

Бекен Ыбырайым – выпускник филфака КазГУ, член СПК, доктор филологических наук, автор свыше тридцати книг, лауреат национальной премии «Айбоз», международной премии «Алаш», Касыма Аманжолова, «Золотое перо», «Золотая стрела» и многих литературных конкурсов. Был главным редактором журнала «Көгершін». Под его руководством напечатано многотомное издание казахских поэтов-импровизаторов.

Публикуемый в журнале роман «Тайна следов» – юношеский детектив, вещь довольно необычная не только в казахской литературе, но и на всём постсоветском литературном пространстве. Пожалуй, со знаменитого рыбаковского «Кортика» у подростков не было такой занимательной, острой и вместе с тем познавательной книги. Автор предстаёт в романе и мастером сюжета, сведущим в людской, особенно подростковой, психологии, и знатоком родной природы, быта, обычаев и верований своего народа.

Бекен ЫБЫРАЙЫМ

ТАЙНА СЛЕДОВ

(Приключения юного следопыта)

Глава I

Одинокая юрта в глухой степи. Где остальные чабаны? Мертвая тишина. Что с Караманом?

Вокруг надменно серевшей на отшибе темно-сизой юрты ни малейших признаков жизни не было видно, и это показалось подозрительным. Юрта сиротливо маячила в степном мареве, словно выброшенный кем-то при откочевке опрокинутый огромный черный котел, тускло мерцающий столетней сажей.

Приехавшие на автобусе седовласый старик в войлочной шляпе и пожилая женщина в белом платке, а также Саян, чубатый мальчик в клетчатой пестро-коричневой рубашке с коротким рукавом, – все трое застыли в недоумении, не зная, что предпринять дальше. Старик Ахмет казался растерянным, он оглядывался по сторонам, но, не обнаружив никого вокруг, застыл, недоуменно прикусив губу.

Где помощник чабана Караман, где доверенная ему отара? Караман оставался дома один. Прошлогодний случай, когда старого чабана по имени Жарыкбай и его старуху связали некие бандюги и забрали тридцать самых тучных баранов из его отары, всё еще свеж у местных людей в памяти. Этих мерзавцев милиция быстро выявила, но тем не менее... Как бы чего подобного опять не приключилось...

Саяна удивило другое: удушливая тишина, застывшая в дремотной степи, сама, казалось, молчаливо смирилась с незавидной участью и затаила дыхание. Узнать что-либо не у кого, рядом на много верст вокруг – ни живой души. Всё вокруг до горизонта – немо, пусто и безжизненно. Дымчато-серое, бесконечное и бездушное пространство, поглотившее всё живое вокруг, грозно нависло над ними, словно готовилось вобрать в себя и их.

Лишь легкий, слегка терпкий, приятный запах пылины напоминал знакомое с былых времен привычное житье. Вправду, куда делась кипевшая здесь прежде шумливо-беззаботная жизнь?

Дед, прищурившись, приложил руку козырьком ко лбу и, жмурясь от слепящего солнца, стал всматриваться вдаль. Интересно, кого он там выгладывает? Ах, вон оно что: какой-то одинокий всадник спускается в отдалении по крутому боку невысокого холма, лежащего поперек долины.

– Вот он едет, Караман, – встрепенулся старик.

Старуха заложила в жерло самовара сухих лучинок и надевала на него гармошку для раздува. Услышав слова старика, она выпрямилась.

– Похоже, что торопится, – добавил старик...

– Ассаламалейкум! – громко поздоровался Караман, наскоро привязав коня за поводья и торопливо шагая к старику. Гудящий густой голос Карамана оборвался внезапно, словно он вдруг раздумал здороваться.

– Алейкум ас-салам! – Старик Ахмет отвечал, растягивая слово по слогам, и его голос невольно выдавал тревожное ожидание. – Как дела, всё спокойно?

– Да какое там спокойствие!..

– Ты не пыхти почему зря, объясни толком.

– Уже два дня, как все откочевали на жайляу. Тут, на стоянке, только мы и остались. Машину для перевозки юрты не дали. Второй день как жду, надеясь, что прибудет...

– Вот чёрт! Что машину не дают – я виноват?! Боже, неужели это всё из-за того случая? – пробормотал старик, будто разговаривая сам с собой. Он вспомнил, что перед отбытием из аула повздорил с главным зоотехником Шаханом, и, внутренне негодуя, подумал: «Вот уж не знал, что ты такой злокозненный и мстительный человек! Ну и чёрт с тобой!.. Как-нибудь переживу твои каверзы!»

Глава II

Неожиданный конфликт. Раздор раскручивается. Перед опасной дорогой. Как остаться в живых?

– Вон, едет...

Донесся гул машины. Вскоре появился и сам грузовик «ГАЗ-52», натужно пыхтя, словно жук, ползущий из последних сил, и довольно скоро оказался у юрты, грохоча по изножью серо-сизой возвышенности.

На негодующие возгласы Ахмета и Карамана кучерявый парень досадливо отмахнулся:

– Ну, дорогие мои, родные, я-то чем виноват? Вы это всё Шахану говорите, раз такие говорюны. Начальник – он. Указы – его. Мне он велел поехать только утром спозаранок. А техника сами знаете какая. Пока то не подправишь, это не подтянешь, не приведешь ее в надлежащий порядок – в дорогу выходить опасно, до жайляу не доберешься, будешь на полпути куковать где-нибудь на отшибе. Скажите спасибо, что засветло добрался, до темноты хоть.

Парень хотел отоспаться и поехать с утра пораньше, после завтрака, но Ахмет был неумолим: «Мы в утренней темени погоним овец, вы будете только мешаться, так что поезжайте, не медлите!..»

* * *

– Вставай, Саян, вставай. Надо поторопиться. Нам нужно догнать ушедших вперед, пока не поднялась жара. – Саян явственно услышал хрипловатый голос дедушки и сквозь слипшиеся, словно приклеенные ресницы различил смутный маревый свет. Не в силах одолеть сон, сомкнул глаза. Но строгий голос вновь просипел у ушей, и он, с ленцой, без охоты, насилу поднялся.

– Привыкай, милый. Я же говорил тебе, что гнать овец дело нелегкое. Путь долгий, восемь дней вымотают не на шутку. Но раз оказался тут, терпи. Закаляй себя сызмалу. Поторопимся, не зря говорится: дорогу осилит идущий. Теперь до самого жайляу придется попытеть. Ох ты мой миленький, выдержишь ли?

– Выдержу! – ответил Саян, готовый постоять за свою честь.

– Нынче будет тяжелее прежних лет, придется двигаться в спешном порядке.

– Почему?

– Что значит почему? Так приходится. Ничего хорошего ни в том, чтобы остаться на стоянке, ни в том, чтобы оказаться позади всех, нет. Всякому своя честь дорога, а бесчестье для молодца хуже смерти. Никогда доселе не перекочевывал на жайляу последним... Думал, и нынче пораньше двинусь и займу получше пастбище. – Старик не скрывал досады. – Ладно, посмотрим. Однако ж, как мы догоним тех, кто ушел отсюда два дня назад?.. – Он замолк в раздумье. Но его сухожильные, длинные, как жерди, руки действовали, казалось, помимо воли старика.

Железные пальцы ухватили небольшой серый коржун и подвинули его к Саяну:

– Вот, тут есть еда. Подкрепись. Да побыстрее, тебя ждем.

– Деда, а почему бы нам не гнать самостоятельно, без спеха? – начал было Саян.

Но резковатый голос старика быстро приструнил его.

– Я же сказал тебе, что надо дорожить честью. Отстанем от кочевья? «Одинокий – прокорм для волков». А кроме того, кочевать одному и скучно, да и опасно.

– У нас есть ружье, есть собака, чего бояться?!

– Не волка я боюсь, нас трое как-никак, днем и ночью движемся за отарой, так что вряд ли волки нас одолеют.

– А чего тогда?

Старик Ахмет кончиком плети указал на Карамана, окриками «Урр-рит, урр-рит, чуу!..» поднимавшего заспанных овец.

– Видишь их?

– Карамана, что ли?

– Про овец говорю. Через несколько дней дойдем до пустыни. Пустыня длиной в два дня пути. Шахан хочет нас там прищучить. А оттуда до жайляу о-ох как далеко еще.

– Как вы говорите? – воскликнул Караман, издали уловив их разговор.

– Разве ты не знаешь, что в пустыне машины подвозят скоту воду?

– Как не знать, знаю. – Чугунно-серое лицо Карамана потемнело пуце обычного и в предутренней темени выглядело черным, как сажа на дне казана.

– Хорошо, что знаешь. Если мы не догоним поскорее остальных, в пустыне останемся одни. А остаться в пустыне одним... – Ахмет взглянул на Карамана краем глаза и замолк, словно не хотел зря тратить слова. Караман молча опустил голову.

– На смерть, значит, гонит нас, – сказал он понуро. Коричневая в клетку рубаха на нем была распахнута на груди, и он расстегнул и все другие пуговицы, словно ему вдруг стало не хватать воздуха. Слегка озябший от рассветной

прохлады и подрагивавший Саян удивился, что предутренний холодок никак на него не влиял.

Караман стиснул зубы и мотнул головой:

– Конечно, кто же вышлет машину-водовозку ради одной отары? Значит, он решил нас загубить, оставив в пустыне без воды? Но чтобы на такое решиться, у Шахана должна быть не одна голова, а две, по крайней мере. За два дня пути в пустыне не только скот околеет, но и люди сдохнут от жажды. Почему это он решился на такое? Непонятно...

Первое отступление. Из-за чего начались распри?

– Тут и понимать нечего. Давеча, когда я был в ауле в последний раз, я не на шутку повздорил с ним. Я нарочно завернул в контору и выплеснул на Шахана весь накопившийся гнев. «Почему ты отдаешь каким-то пришлым, прибывшим сюда только в прошлом году, самых высокоудойных коров моей невестки Жибек? Мало того, ты еще Акимжану велел и скакуна Кертобеля другому отдать?» А он стал сразу грубить мне: «Это не ваше дело! Я начальник, я сам знаю, что делать. Мне отвечать, не вам!» И задирает нос. Раньше был парень как парень, душа нараспашку, а теперь – видно, из-за того, что начальником стал, – чванится, разговаривать не хочет. Я его сгоряча взял в оборот: «Эй, ты чего это, – говорю, – хвост распустил, чего важничает, как гусь?!» Он тоже не идет на попятную, угрожает мне: «Вы за свои оскорбления ответите сполна!» Ну, тут уже на меня удержу не стало. «Вот погоди, – говорю, – только доберусь до жайляу и немного освобожусь от забот, тогда и займусь тобой, все темные делишки твои раскрою, выведу тебя на чистую воду!»

– Ну, и что он еще сказал, чем еще пугает?

– Одним словом, пригрозил, что «сгноит в тюрьме». Я рассвирепел и подал ему руку на спор: «Если ты не баба, сдержи свое слово!..» Он, видать, успел уже набраться нахальства, небрежно мазнул своей холодной ладонью о мою.

– Ох уж этот ваш характер... Наступили на хвост лежащей змее... Теперь я всё понял. Мало того, что он про нас дурное мнение создал в совхозе – мол, в ауле разгуливают вместо того чтобы с остальными вместе на пастбище перекочевать, так еще хочет нас в пустыне без воды оставить. Задумал погубить наш скот, а нас самих подвергнуть адовым мукам?! Теперь я всё понял! – Караман, почувствовавший предстоящие тяготы, схватился обеими руками за голову и уселся прямо на землю. – И что теперь, не за понюх табаку в тюрьму сядем? – Вскочил на ноги. – Чувствую я, что он не подвезет воду. Скот вымрет, конь не выдержит. Выдержит ли Саян два дня без воды?.. – Он стал ходить взад-вперед, с хрустом топчя полынную траву.

– Да брось ты. Не пугай пацана.

Не зная, как реагировать на слова дедушки, Саян направился к верблюду, сжав накрепко коржун в руке. И в самом деле, как они перейдут пустыню? Ясное дело, что ради одной отары овец машины не будут подвозить воду. Шахан хочет спровоцировать скандал, обвинив их в том, что «нарочно отстали от кочевки». Как им выдержать это испытание? Не получится ли, что они попадут в смертельную ловушку? Они сами, может, как-нибудь и преодолют пустыню, оседлав втроем верблюда. Но как оставят сотни овец на растерзание рыщущим по пустыне голодным сворам волков? Какой есть выход?

Располагая между двумя горбами верблюда коричнево-серый коржун, сшитый из напольного тканого коврика-алаши, Саян напряженно думал об этом. Слова Карамана точь-в-точь отражали его мысли:

– Я только теперь разгадал Шахана. Он хочет, чтобы мы лишились всей отары в пустыне, и повесить их гибель на нас. Сделать нас таким образом преступниками и сгноить в тюрьме, так?!

– Да, – коротко и категорично отвечал ему распаленный гневом Ахмет.

Караман что-то хотел ему ответить, похоже, не решился и присел на корточки в сторонке, раздавливая кусты полыни, но тут же поднялся и стал суетливо выбивать пыль с выцветших темно-серых брюк, выпирающих в коленях. Он нахмурился и напряженно думал, хотя и не хотел показывать этого. И в конце концов, не выдержав, сказал:

– Давайте поступим так, ага. Как только одолеем этот Карой, вы или я отправимся в аул и доложим директору о положении дел. И попросим, чтобы не забыли выслать машину.

– Шахан на это и рассчитывает. Хочет, чтобы мы пришли к нему с поклоном, умоляли его. Чёрта с два!.. Нашел человека, который будет валяться у его ног...

– Ой, ага, тогда что же будем делать, какой выход у нас? Как бы там ни было, откочевать мы откочевали. А что дальше? В пустыне погибнем? – Голос у Карамана был непривычно жалок.

– Что будем делать, говоришь? Или пойдем под суд, или станем копать в пустыне колодец и под палящим солнцем погибнем от жажды вместе со всей отарой!.. – Старик Ахмет, разъярившись, свирепо гикнул. Затем добавил: – Хорошо, если директор выслушает нас. А если накинется на тебя, обвинив, что «беспечно слонялись в ауле, когда надо было откочевывать на жайляу, и кому нам возить водовозку – вам одним или всем остальным?!» И что ты ответишь ему?

– Если мы умрем, его же судить будут, деда? – подал голос Саян, присоединившись к разговору с дальнего боку.

Старик Ахмет грустно улыбнулся:

– Эх! Какое дело мертвому – будут судить виновника его смерти или не будут? Детский лепет. Разве так надо сводить счета?! – Старик вновь распалился и заявил твердо: – Я поведу отару через пустыню!.. Пусть потеряем какое-то количество баранов, но оставшуюся часть доведем до пастбища и потом уже посмотрим, кто кого засудит.

– А ему всё по боку, без разницы. Как старшему чабану отвечать придется вам. Ему всё одно ничего не будет. – Караман недовольно насупился, морщинки на его лбу тяжело вздулись.

– Не бойся, ты останешься цел, – сказал Ахмет, оглядывая внимательным взором постепенно проясняющиеся окрестности. – Где наше не пропадало... Ладно, рискнем. Сказано: «Честь дороже жизни», пусть так и будет...

– Ой, ага, к чему такие жертвы? Неужели нет другого выхода, кроме как под суд попасть или помереть в пустыне? – Караман застыл с закрытыми глазами, словно впал в беспамятство.

– Есть только один путь, – отвечал Ахмет, слегка повышая голос. – Надо по возможности побыстрее гнать отару вперед и догнать тех, кто ушел раньше нас.

Как жаль, что ссора дедушки с начальником Шаханом так осложнилась и приняла такой опасный оборот. И вот результат. Теперь для отставшей от всех отары такой переход чрезвычайно опасен. Сможет ли отара перенести двухдневный путь через огромную пустынную степь? Овцы – это не лошади... И как отара догонит ушедших вперед два дня назад?.. А вдруг где-нибудь на опасном перевале, темной ночью, на них нападут злоумышленники-скотокрады и убьют их троих, а овец погрузят на машины да и укатят?.. Всё возможно...

Глава III

Кто эти пришлые: воры? Почему развязаны путы?

– Ну, ты прямо спишь богатырским сном!.. – мягкий голос, раздавшийся рядом, разбудил его. Саян не знал, сколько времени проспал. Но чувствовал себя выспавшимся, во всем теле ощущалась свежесть. Тут же поднялся в рост, понимая, что в сложившейся ситуации продолжать спать негоже. Вокруг было сумрачно – похоже, наступает утро.

Дед стал часто поглядывать по сторонам и посмотрел на свои наручные часы.

– Странно... куда Караман запропастился? Прошло довольно времени, как он ушел. Просто так он не должен бы задерживаться.

Стал беспокойно осматривать упряжи, поправлять выюк на верблюде, перебирать поклажи, подготовленные для погрузки на верблюда, и видно было, что всё это он делает, чтобы скрыть свою нервозность. Саян, прекрасно знающий, что дед просто так не теряет самообладания, встревожился, опасаясь неожиданной вести.

Спустя некоторое время появился запыхавшийся Караман. Пот лился с него градом. Старик Ахмет тотчас воскликнул:

– А лошади, лошади где?

– Чёрт, не нашел. Сквозь землю провалились или в небо улетели, не пойму. Возле ручейка всё обегал, всё осмотрел, нигде нет.

– Путы же все у тебя в руках.

– В том-то вся загвоздка. Все три лошади растреножены, и все три словно испарились.

– Да ну, это как же? – Старик Ахмет был растерян, не в силах поверить в случившееся. – Как это у всех трех развязались вдруг путы?! Ну-ка, дай сюда. – Он стал проверять их на растяжку. – Хоть убей, ничего не понимаю. Ни в одной нет никакого изъяна, крепкие. Все целы. Как могли развязаться?! А ты хорошо их стреножил?

– Что вы, ага, я ж не мальчик, не первый день коней треножу. Разве я не понимаю, что лишиться коней – это смерть для всех нас? Аккуратно вставил кляп в петлю и затянул как следует. Ума не приложу, как могло развязаться.

– А следы куда повели?

– Прямоком к водоему. Я бегом рванул за ними. Следы доходят до воды и там исчезают. Берег ручейка слегка топкий, но уходящих на другой берег следов я не заметил. Стал бегать вверх и вниз, словно угорелый, всё обыскал. Поняв, что не найду, растерялся и вернулся.

– Надо же, какая досада. Теперь совсем отстанем. Только начали навёрстывать упущенное время, и надо же такому случиться... Напакостили нам эти лошади, да уж. Что теперь будем делать?

– Вы садитесь вдвоем на верблюда и двигайтесь вперед, а я пойду продолжу поиски, – сказал Караман.

– Таким образом ты далеко не уйдешь. Лучше вы с Саяном следуйте за отарой и двигайтесь вперед в пешем порядке. В этих местах мне каждая яма, каждая колдобина знакома. Будет лучше, если я сам на верблюде займусь поиском.

– Дедушка, можно я с вами пойду?..

– Брось, думаешь, я иду в игры играть? – Но старик тут же засомневался в правильности своего ответа.

– Ага, я могу по следам определить, в какую сторону они пошли.

– Ах, да, ты же у нас ушлый следопыт. И глаза у тебя острее. Хорошо, иди, подсаживайся ко мне.

– Сейчас рассвело, никто на овец не будет покушаться. Я пойду за вами пешком. Кто знает, может, это ворье. Вдруг возникнет стычка – могу пригодиться. – Караман подвесил себе на локоть конскую торбу с небольшим количеством овса и подал старику три уздечки. Ахмет слегка насушился, но решил не отказывать.

– Ладно, как знаешь. Я просто думал, что пешком идти будет нелегко, устанешь. К тому же, пока мы все будем искать коней, на бесхозную отару могут ведь напасть волки.

– Ой, ага, я долго не буду ходить. Если сразу не найдем, я же могу бегом возвратиться к отаре?! У нас там упряжи лежат, другая поклажа, разве волки посмеют приблизиться к месту, где люди?!

Глава IV

Кони украдены. Кто их преследует? Когда они пришли? Загадки: следы ветра, след левой ноги, след-громадина.

– Не нравится мне нонешний рассвет... – хмурился старик Ахмет, когда они несколько отъехали от отары, мягко подстегивая старого холощенного верблюда редкими поглаживающими ударами плети.

– Разве не каждый день такой?!

– Сегодня особенный, кроваво-багряный спозаранку, с раннего утра. Будет ли удача нам сегодня, не уверен, – сказал он и затем, прошептав что-то вполголоса, провел ладонями по лицу. – А теперь не разговаривай, сиди тихонько. Не отвлекай, след потеряем.

Саян старался не упустить из виду следы и напряженно всматривался в прерывистые, тягучие отпечатки копыт. На серовато-рыжей, рыхлой полупустынной почве они легко читались – то оттиснулись неравномерно, где-то глубоко, где-то мелко, то уходили влево, то, наоборот, вправо. Расстояние между тремя лошадьми тоже часто менялось: они то сближались, то несколько отдалялись друг от друга, но в целом держались вместе. Причиной было то, что все они двигались по узкой, суглинистой полосе поймы вдоль воды.

«Что, если лошади не найдутся? – подумал Саян. – Тогда мы точно пропали. Поблизости никаких признаков жизни. В это время все скотоводы уже двинулись на жайляу. До шестидесяти, а может, и больше ста километров – голая степь, безжизненная полупустыня. А такой вот едва текущий ручеечек с высыхающей теплой водицей теперь встретится лишь в одном месте, его мы могли бы достичь после полудня, если бы отправились в путь пораньше, с предутренней прохладой. А теперь бог знает, когда достигнем ее.

В Шокамане, по словам дедушки, других источников воды нет. Если мы не пройдем его по-быстрому и не догоним овцеводов в Куланшуле, тогда и в самом деле... нет-нет, даже думать об этом не хочется. Дедушка не собирается идти под суд, говорит, что лучше ему умереть, чем погубить скот и опозориться на весь белый свет. От деда всего можно ожидать. Характер у него своеобразный. Если в самом деле...

Вряд ли, конечно, мы догоним ушедших вперед чабанов. В изнывающей от жары голой пустыне погибнет и скот, и сами мы околеем, изнемогая от жажды. Шахан, который будет виноват в нашей ужасной гибели, конечно же, ответит головой...»

Кажется, прошла целая вечность, пронизанная страхом, как они всё едва бредут гуськом.

– Чего ты копошишься? – голос деда раздался так неожиданно, словно окатил холодной водой.

– Да так, просто в горле першит, – ответил Саян, прокашлявшись для достоверности.

– Не хватало, чтобы ты простудился при такой жаре!.. Это будет очень некстати... – сказал дед, подхлестнув двугорбого ногами. – Вот, подъехали уже.

Дно мелкого, прозрачного водоема просматривается как на ладони. То там, то тут шевелятся извивистые, словно обрезки черной проволоки, пиявки и какие-то еще черви. По бережку, окаймляя речку, растут редкие стебли пырея, жиденькие, жилистые кусты вразброс, вперемежку с зелеными побегами изени¹ и белесыми метелками ковыля. Все они произрастают не густыми зарослями, как в ауле, а раскиданы по берегу то куцыми стебельками, то разлохмаченными ветрами низкими, чуть выше конской предплюсны кустиками.

– Шук, шук!.. – привычной командой Ахмет посадил верблюда на колени. Затем они оба медленно слезли с него и прошлись взглядами по следам прибывших на водопой лошадей. Непонятно почему, следы гнедого жеребца лежали в сторонке от других. Причем отпечатались глубоко и явственно, будто были вырыты. Как-то странно! Пока Саян внимательно рассматривал эти следы, дед прошелся по следам других лошадей и подошел к воде. Перепрыгнув, очутился на другом берегу. Походил вперед-назад и, не зная, что делать дальше, покачал головой и стал осматриваться по сторонам. Было видно, что он растерян.

– Ата, подойдите сюда.

– Что там?

– Вот в этом месте бурый жеребец был испугнут.

– Да ну, чего он будет пугаться лошадей, с которыми всё время вместе?

– Правду говорю, вот, посмотрите сами.

Старик Ахмет пристально взгляделся в следы, указанные внуком.

– Да, здесь следы углубленные, и поэтому ты считаешь, что жеребец чего-то испугался. Может, в голой степи ему привиделись волки, оттого и был испуган. А может, какая-то из лошадей запряжилась отчего-то и взбрыкнула, и конь отступил назад... Кто его знает...

– Вот, взгляните. Следы копыт не вразброс, основательны, близко расположены друг к другу. И расстояния между следами, и сами отпечатавшиеся следы разные. Видно, что движения коня неразмеренны, неаккуратны. Окремки следов немного глубже. Вот это меня истораживает, ата. Поблизости нет следов ни двухлетки, ни темно-рыжего с подпалиной.

– Ох ты, мой умный, как ты сумел различить их следы?

– С тех пор как мы вышли в путь, я всё время наблюдаю за их следами. У двухлетки-кунана копыта поменьше. Самые большие копыта вот у этого подкованного бурого жеребца.

– Правильно, правильно, – дед не без удовольствия согласился с внуком. – Ну, ладно, мы так и будем терять время в болтовне?

– Сейчас, ата, у меня есть кое-какое соображение, а лучше сказать, подозрение, дайте как следует изучить следы...

– И что за подозрение?

– Сейчас... сейчас скажу. Подумаю немного. – Саян ушел в себя. Пред его глазами встал Шахан. Что он хочет? Или забрать наш скот, или ввязать в жесткую переделку, так? Кто знает, может, специально нагнал нас и снял с лошадей путы, а может, и вовсе угнал неведомо куда. Но если он прибыл на машине, собаки издали слышали бы шум мотора и залаяли. А на коне добраться до этих мест грузный и коренастый, как кряж, Шахан вряд ли отва-

¹ Изень – невысокая степная трава.

жится, поленился бы по крайней мере. Значит, он кого-то послал и поручил исполнить то, что сам задумал. А кого он может послать?

– Ну что, так и будем стоять? Давай уже сядем на верблюда. – Старику всё труднее было скрывать беспокойство и раздражение.

– Сейчас, сейчас, ата. Охо, нашел, нашел! – воскликнул Саян, глаза его загорелись.

– Что, где? – дед озадаченно стал озираться вокруг. – Ничего не вижу.

– Ата, нет, не туда, посмотрите вот сюда. – Саяну было смешно смотреть на по-мальчишески недоумевающего деда.

– Ну, посмотрел, и что? – старик пригнулся, опершись руками о собственные колени.

– Вы можете поверить, что путы всех трех лошадей сами по себе развязались?

– Правду сказать, даже не знаю, верить или не верить.

– Я вовсе не верю. Похоже, кто-то пришел и развязал их.

– Да ну, брось. Кто знает, что мы прямо сегодня ночью доберемся сюда и заночуем тут? А если даже знает, что это за недоумок, чтобы припереться в не-сусветную даль, да еще и глухой ночью? Если бы этот кто-то угонял лошадей, то уж зачем ему оставлять треноги? Или олух, бестолочь какой-нибудь? Ой, вряд ли... Или... Не-ет, нет, не может быть, – удрученно сказал он, не веря в собственную догадку.

Саян улыбнулся:

– Подозреваете Карамана? – шепотом спросил он, указав подбородком на стоящего поодаль Карамана, что беспечно разглядывал бескрайние дали.

– Эй, Караман, ты ночью ничего подозрительного не заметил?

– Не-е-ет. Как назло, нынче ночью спал без задних ног.

– Так кто же тогда сюда, в эту глухомань, придет-то, в волчий угол?! Но Караман не мог так поступить. Мы же в одной лодке плывем?.. А ты... – старик на мгновение задумался. – Саянжан, с чего ты взял, что кто-то развязал путы? Где следы того, кто пришел и сотворил такую пакость, покажи-ка? Невесть что придумываешь...

– Посмотрите сюда, ата.

– Ну, смотрю, и что...

– Что это за след, как думаете?

– Таких следов отродясь не видал... Что за чертовщина? Может, след чудища какого-то. Уж больно большой.

– Это – след кобылы.

– Ха-ха-ха! – старик не выдержал, расхохотался. – Ты уж, внучек, не перегибай палку-то. Заставь, говорят, дурака молиться, так он лоб себе разобьет. Захвалили, видать, мы тебя. Следопыт ты эдакий... С чего ты взял, что это кобылий след? Брось, брось, дорогой, хватит... – Дед отсмеялся и направился к верблюду. – Не будем терять зря время.

– Ата, послушайте хоть до конца. – Саян стал выкладывать свои соображения. – Лошади, испытывая сильную жажду и почуяв воду, направились сюда. Напились.

– Откуда ты это знаешь?

– У меня же зрение острее, ата. Вот, цвет этих следов возле водоема различается от тех, что отпечатались здесь, поближе. Они чуть мокрее.

– Да что ты говоришь, где?! – Караман быстро подошел к Саяну и стал всматриваться под ноги. – Чем они отличаются?

Саян улыбнулся с чувством превосходства:

– Следы возле воды темнее, чем эти, грунт еще не успел просохнуть.

– И вправду, – сказал Караман изумленно. – Но что в этом такого?

– Но пока лошади не напились, никто к ним еще не подходил.

– Ну, и что дальше? – спросил теперь уже Караман нетерпеливо, и вдруг понимающе присвистнул. – А не ты ли сам сюда приходил в сонном бреду или впросонках?

– Да нет же. Он же со мной рядом спал, – спокойно возразил старик Ахмет. – У меня сон чуток, сразу бы проснулся.

– Ну, хорошо, скажем, всё так, но что было потом?

Старик Ахмет сдержанно улыбнулся:

– Караман, дорогой, откуда это знать мальчишке малому?!

– Не-ет, я просто... – Караман почувствовал себя неловко. – Мне просто интересно, как он рассуждает. Мне бы и в голову не пришло. Жаль, в школе не учился как следует...

– Все три лошади цепочкой пришли к воде и, напившись, паслись поблизости... Ничего себе, ата, посмотрите на эту странность. Кертобель, оказывается, тоже был здесь, но ушел.

У Карамана округлились глаза, и он уже не смог себя сдержать от удивления:

– Какой Кертобель?! Как он в одиночку оказался тут? Разве кто-то был на нем? И если он добрался сюда, то зачем уходить?! Видно, что ты просто не знаешь, что лошади бывают очень похожи между собой.

– Я в ауле хорошо разобрался в следах Кертобеля. Вот эти следы – точно его!

– Хорошо, пусть будут его следы. Зачем бы он сюда приبلудился? Если кто-то его не оседлал?! Если он сам по себе сюда забрел, я готов себе нос отрезать и тебе отдать!.. И с чего ты решил, что он тут был?

– Наши лошади хорошо знают друг друга. И запах Кертобеля им хорошо знаком. Вот, следы всех трех лошадей повернуты в стороны – это они остановились и смотрели на Кертобеля. А Кертобель слегка потоптался, покружил возле них и неспешно отправился восвояси.

Караман резко махнул рукой:

– Да брось-ка ты, милый, даже если на нем кто-то приехал, он просто так не ушел бы. Может, кто-то случайный забрел сюда в поисках пропавшего скота.

– Если бы сюда забрела чужая лошадь, чужой человек, наши лошади вели бы себя пугливо. А следы не указывают на это. Они неглубокие, признаков испуга не видно. Все отпечатки ровные, говорят о безмятежном состоянии.

Караман, дернув плечом, дал понять, что ему ничего не остается, как только согласиться с доводами мальчика.

– Вах, ты, я вижу, не собираешься уступать. Ладно, приму твои доводы. А что было потом? Кертобель, выходит, прискакал сюда, а потом, увидев стреноженных лошадей, не захотел с ними играть и ушел откуда пришел? – Правый уголок губ Карамана потянулся вверх, изображая ухмылку. – Или, может, зубами отвязал путы и ускакал вместе с тремя лошадьми?

– Нет, Кертобель ушел один. Вот следы. Но явно видно, что кто-то был на нем.

– Может, не один, а двое? Если они не увели лошадей, то куда они делись?

– Когда на коне нет всадника, вряд ли он будет ходить по прямой в одном направлении. Стал бы пастись, дергая травку то там, то тут, и двигался то в одну, то в другую сторону. По следу коня видно, что на нем был лишь один всадник.

Караман не утерпел, засуетился:

– Эй, Саян, с чего ты взял, что был только один всадник?! Может, все-таки двое были? Кто может это знать наверняка?! Ты не рассусоливай, говори конкретно, что знаешь.

– После ухода Кертобеля, поздно ночью, тут появился еще один всадник. Он был на сивохвостой, караковой масти кобыле, она шла ровной, отменной иноходью, как у скаковых лошадей, подготовленной к долгой дороге. Всадник был высокого роста, очень осторожный, ловкий человек, правша, довольно сильный. Прибыл с южной стороны.

– Боже мой! – Пораженный Караман лихорадочно огляделся по сторонам, словно искал чьей-то защиты, и бегающие глаза его едва не вылезали из орбит. – Откуда ты знаешь, что он пришел с юга, что он сильный, что осторожный правша, что высокий? Ты, наверное, во сне увидел, как этот мужчина с помпой прискакал на иноходке. Ну-ка, дай проверю твой лоб. Что же, температуры нет. Тогда откуда у тебя эти фантазии? Был всадник на жеребце или кобыле, кто это разглядит в темноте? Кто тебе сказал, что лошадь была сивохвостой, что караковой масти? Видит бог, тебе всё это приснилось. Хватит, дорогой, достаточно. Некогда нам твои сказки слушать, надо лошадей искать.

Старик Ахмет помрачнел и сказал раздумчиво:

– Пусть говорит, послушаем. У молодых ум дерзкий, может, есть резон в его словах.

– Пришедший снял пугы-тrenoги с ног лошадей. Принес с собой крепкую веревку или аркан. Вот этот круглый, похожий на обруч след, это отпечаток копыта той кобылы. Именно ее, а не какого другого животного, это ясно. По мне, этот след оставлен не только копытом. Но расстояния между отпечатками явно указывают, что следы лошадиные. По всему видно, что прибывший сюда очень хорошо разбирается в повадках животных и поэтому, чтобы отголоски копыт не слишком громко раздавались в ночной тиши, предусмотрительно обмотал копыта несколькими слоями кошмы и крепко завязал. И прискакал сюда не галопом, а скрытно, прятаясь. На боку лошади была привязана торба.

Караман снова не выдержал:

– Ты что, рядом с ним был, откуда знаешь, что у него была торба? И может, не на боку она была, а под коленом у всадника?

Саян улыбнулся:

– Потому что в торбе был лошадиный корм.

– Охо, ты что, лично в торбу корм клал? Твоим фантазиям нет предела! Мальчишка – он и есть мальчишка, что тут скажешь!.. – Караман развел руками, покачал головой и всем своим видом демонстрировал досаду. – А время-то идет. Так и будем стоять, кормить друг друга сказками?

Эти слова задели Саяна всерьез:

– Я говорю так, потому что знаю, что бурый жеребец не даст никому себя поймать, если только не поднести ему корм. А куда корм для лошади кладут, как не в торбу?

– Ну, так-то оно так, – присмирел Караман. – И что случилось потом? И что за корм был, пшено или овес?.. Размоченный или размельченный?

Караман был доволен своим остроумием и тем, что сумел подколоть мальчишка-всезнайку, и теперь изображал простодушие, с деланной наивностью оглянувшись на старика. Но Саян всё это быстро разглядел и, посмеявшись про себя, ответил:

– Не знаю, кто именно, но поскольку, как я сказал, этот незнакомец хорошо разбирался в лошадях, то принес с собой размельченный овес. – Саян с улыбкой на губах посмотрел на Карамана. – Мне продолжать делиться своими «сказками?»

Караман только махнул рукой:

– Давай, продолжай. Я, кажется, начинаю кое-что понимать. Но всё равно, ничего до конца не уразумел еще. Ну, говори быстрее, что было потом? Ладно, не спеши, рассказывай подробно. Откуда ты узнал, что всадник был на кара-

ковой кобыле, что кобыла была сивохвостой, и что иноходь у нее была отменной, как у скаковых лошадей? И как ты узнал, что пришедший был осторожен, ловок, силен и к тому же правша? Вдруг он всё еще крутится где-то рядом, может, если повезет, сумеем его как-нибудь заарканить?

– Если бы всадник приехал сюда во весь опор, громкий топот слышали бы собаки и разлаялись на всю округу. Поэтому он приехал украдкой и поднес лошадам овес. Потихоньку, когда лошади привыкли к нему, снял треноги. Но на земле нигде нет человеческих следов.

– И что это за чудище?! Человек или дьявол? И что за овес?! Откуда ты знаешь про овес? – Удивлению Карамана не было предела, о чем свидетельствовало и то, что он остался стоять с раскрытым ртом.

– Сейчас объясню. – Саян немного отошел в сторону. – Лошади тут паслись некоторое время. Потому что пришелец, непонятно почему, здесь несколько задержался. Сужу об этом по тому, что лошади облегчаются не сразу, как только поедят овес. Помёта тут нет. Вот, здесь вот пара овсинок валяются, а дальше, в кусте полыни, несколько зернышек. Видите? Это оттого, что лошади, когда поедали по очереди овес, немного зернышек уронили на землю. Пока не могу понять, какой был замысел у вора.

– Если бы знал и это, то быть бы тебе ясновидцем. Ладно, хватит на сегодня и этого. Но надо признать, глаз у тебя острый! Если бы не ты, мы с Ахмет ага ничего этого бы не заметили. Ну, есть у тебя что еще сказать? Выкладывай.

Саян довольно улыбнулся:

– Пришелец тихо подъехал и, осторожно вытащив корм, дал отведать бурому жеребцу и двухлетке-кунан. Когда усталые, изголодавшиеся лошади жадно накинулись на овес в торбе, пришелец успел накинуть аркан им на шею и привязать. И потом, не слезая с седла, пригнувшись почти до земли, потянулся к путам и развязал их. Если бы этот незнакомец не был сильным и ловким, развязать наши крепкие треноги ему было нелегко. Обычному человеку понадобилось бы обязательно слезть с коня, чтобы распутать такие треноги, а этот орудовал прямо с седла. Судя по тому, что сумел-таки развязать путы, согнувшись, не сходя с седла, это был человек крупного телосложения и длинный, словно жердь. В любом случае, это очень сильный и к тому же бывалый вор.

Я раньше замечал, что бурый жеребец всегда идет впереди. В этот раз он отстал от других лошадей и шел сзади. И часто поглядывал в южную сторону и замедлял шаг. Видать, жеребец побаивался незнакомца и старался держаться от него подальше. Но всё же ему было интересно, откуда вдруг появилась тут караковая кобыла? И он часто оглядывался на нее из любопытства...

Вот – след лежит, он повернул в сторону караковой кобылицы. А это вот – следы кобылы. Пришелец поймал гнедого издалека, накинув аркан с петлей. Испуганный жеребец резко дернул голову назад, и тогда его след отпечатался в почву глубже других следов. По следам вижу, что бурый сопротивлялся и пятился назад. А вот этот круглый, как обруч, след тут значительно глубже, чем в остальных местах. Значит, покорить бурого жеребца и подмять под себя оказалось делом нелегким. По тому, как пришелец шагов с десяти точно закинул шалму² на шею лошади, этот человек или опытный скотовод, или... По мне, он больше похож на угонщика скота, который недавно начал заниматься этим ремеслом.

Караман снова развел руками и покачал головой:

– Эй, если это был вор, он бы всех трёх лошадей угнал, разве не так?!

² Шалма (каз.) – аналог лассо, веревка с петлей на конце для бросания вокруг цели и стягивания ее при натяжении веревки.

– Всё же этот человек не занимался кражей скота профессионально, по-настоящему. Если бы действительно хотел украсть лошадей, он бы просто погнал их вперед или утащил за собой с помощью недоузdkов.

Караман встрепенулся:

– Откуда ты знаешь, что он не угонял или не увел за собой с помощью недоузdkов? Видишь, поблизости нет никаких новых лошадиных следов.

– Если бы он просто погнал лошадей впереди себя, то расстояния между отпечатками копыт на почве были бы гораздо шире. А если бы надел недоузdk и тянул за собой, то голодные лошади, нарвавшиеся на траву, не пошли бы сразу на поводу, и воронки их следов были бы глубже. Если бы он был опытным вором, то не оставлял бы за собой улики в виде пут. Мне кажется, что этот человек глуповат или наивен. Наивность его проявилась в том, что он думал, мол, хозяева лошадей могут поверить в то, что треноги лошадей развязались сами собой, и потому оставил их на месте преступления. Ему не пришло в голову, что другие разгадают его хитрость. Судя по этому факту, это опытный животновод или неопытный угонщик скота, ступивший на сей преступный путь недавно. Но в любом случае, он хорошо разбирается в повадках лошадей.

Бурый жеребец, после того как незнакомец заарканил его, испугался, зафыркал и, похоже, заартачился. А тому ничего не оставалось делать, как подойти к жеребцу потихоньку и поднести к его рту корм. Потому-то рядом с этим круглым отпечатком в виде обруча остался и след этого жеребца. Пришелец принялся кормить его и, одновременно поглаживая коня по челке, по шее, стал приучать к себе. Расстегнул путы с передней ноги, затем с задней... Вор пошел на хитрость.

Тут не выдержал даже дед Ахмет, ловивший каждое слово внука, и счел невозможным дальнейшее молчание:

– Какая хитрость? Откуда ты про это-то знаешь?! Любой, кто мало-мальски разбирается в лошадях, освободил бы сначала задние путы. Почему он первым делом освободил правую переднюю ногу?

Саян немного подумал и продолжил свой рассказ:

– Да, любой коневод, имеющий опыт работы с лошадьми, снимать путы начал бы с задней ноги лошади. А этот поступил иначе. Или, может, решил постепенно приручать лошадь к себе, чтобы лошадь стояла смирно. Вы сами мне не раз говорили, что человек, знающий повадки лошадей, к лошади будет подходить всегда спереди. Я и сам не раз это видел. Не говоря уже о том, что вот этот влачащийся нечеткий след от длинной треноги тянется за передней левой ногой лошади то с одной, то с другой стороны. Это означает, что бурый жеребец думает, что ноги свободны, и пытается вырваться из пут. Но крепкий аркан не пускает, и лошади ничего не оставалось, как прекратить попытки вырваться и застыть на месте. Вот этот след, который то волочится, то обрывается накоротке – это от той треноги, здесь ее передняя правая защелка прочертила мягкую почву.

– Кстати, проясни-ка поподробнее про то, что сказал прежде, – всё горячился Караман. – Почему ты думаешь, что пришелец был на кобыле?

– Это несложно узнать, – Саян улыbnулся, видя, как Караман впал в растерянность, словно ребенок. – Взгляните на этот след. Двухлетка – лошадь молодая, поэтому нетерпелива и идет к воде первой. Это – ее след. А за ней шествует темно-рыжий с подпалиной...

– Почему бурый жеребец не стремится быть впереди? – Видно было, что Карамана сильно задевает то, что он не понимает того, что ясно как божий день этому мальчонке.

– Это потому, что под пришельцем – кобыла. Жеребец издали почувствовал запах кобылы и замедлял шаги, озираясь в ее поисках. Потому как в то

время дул легкий ветерок с юга, бурый жеребец не спешил идти вперед. Посмотрите на эти следы, расстояния между ними небольшие. А вот эти следы расположены друг к другу еще ближе, жеребец не хотел двигаться вперед, и его копыта коротко скользили по почве. А вот тут следы показывают, что он даже остановился, отстав от других лошадей, долго озирался в южном направлении и в конце концов повернул вот в эту сторону. Значит, незнакомец приехал с юга.

– Айналайын, дорогой мой, – заговорил Караман, помимо воли с интересом заслушавшийся Саяна, краем глаза оглянув старика Ахмета. – Откуда тебе известно, что ветер дул с юга? Разве можно увидеть ветер? А тем более его следы? Это же ты должен бы понимать, разве нет? Понимаешь. Не маленький. Лично я за всю свою жизнь не встречал ни человека, который бы утверждал, что у ветра есть следы, ни того, кто бы сумел отыскать следы ветра, прошуршавшего несколько часов назад. Ну ладно, оставим это на твоей совести. Но откуда ты знаешь, во-первых, то, что ветер дул с юга, и, во-вторых, что посреди ночи он добрался именно до этих мест, будто не нашел другого подходящего места? Об этом не подумал?

Караман, почувствовав гордость за свою наблюдательность, самодовольно взглянул на Ахмета и вновь обратился к Саяну:

– Если хочешь, могу продолжить. Допустим, что дул легкий ветерок, пусть. Но почему из-за этого бурый жеребец должен замедлить ход или остановиться? Неужели для того, чтобы подставить морду под дуновение ветра и насладиться его свежестью? Что-то не приходилось видеть ни мне, ни кому-то другому лошадь, которая наслаждалась бы ароматом свежего ветра: «Ах, как хорошо, ах, как свежо!» Такого нет ни в сказках, ни в богатырских эпосах. Ни даже в «Тысяче и одной ночи». А этот твой ветерок, его, что, кто-то за руки привел с юга, или, как быка, за кольцо в носу приволок?! Я лично этого не видел. А ты – видел? По твоим словам выходит, что бурый жеребчик не просто замедлил шаг, а остановился и стоял неподвижно, покорно ожидая кого-то именно с юга, а не с севера, допустим, или с запада, или, на худой конец, с востока. Что это за диво дивное!.. Или ты хочешь сказать, что сей свежий ветерок, приبلудившийся ни с того ни с сего с юга, имел какое-то особое волшебное качество, что его не чувствует никто, кроме бурого жеребца? Здорово, теперь будем жестами переговариваться с бурым жеребцом и просить у него совета, прежде чем предпринимать что-либо важное. Да, Ахмет ага, не так ли? Я и без того стою тут, едва не рыдаю от безысходности и не знаю, как быть, а тут ты еще, Саянжан, мне голову морочишь.

Дед Ахмет громко усмехнулся, видя, как разгорячился Караман от охватившего его уныния из-за потери лошадей, но ничего не сказал. Саян же, почуввав в спокойном молчании деда негласную поддержку, выждал некоторое время для приличия и улыбнулся, словно затаил в душе некую загадку:

– Разве трудно углядеть в этих красноречивых следах, как бурый жеребец замедлил шаги, как он повернул вправо?! Вот глубокие вмятины от копыт. Конь не просто оглянулся, а внимательно осмотрелся, всем корпусом обернувшись назад. Поскольку ветерок дул с юга, туда и направил взгляд.

– Так что же это получается?.. – Караман был задет тем, что он, человек гораздо старше этого всезнайки, оказался вдруг в положении слушателя-простака, который не в силах ни уяснить суть разговора, ни вставить свое слово, и вынужден больше молчать, терпеливо выслушивая чужие заумные речи. И он решил вновь вмешаться в разговор, демонстрируя всем видом, что не менее других заинтересован в разрешении сей загадочной ситуации. Он вновь обрушился на Саяна ехидными замечаниями: – По-твоему выходит, если подует

ветер с юга, то лошади тут же оборачиваются в ту сторону? А чего же тогда темно-рыжий с подпалиной или двухлетка-кунан не обернулись, не поинтересовались: «Это кто сюда приперся посреди ночи, а?!» Или бурый жеребчик умнее их, а они тупые как пни? Интересно получается. Разве не все лошади одинаковы? Что-то мысли твои сильно накренились, как бы не упали.

Ахмет слегка прокашлялся, прочищая горло, и бросил:

– Тут ты, Караман, пожалуй, не совсем прав. Лошади, они не одинаковы. И друг друга они распознают и по следам, и по помёту, и по голосу. Если они росли вместе с ранних лет, сосунками да жеребятками, то уж никогда друг друга не забудут. Ну, милый, ты продолжай, слушаем...

– Вот в ветре-то и самое интересное, Караман ага. Ветер, подувший с юга, донес запах кобылы-иноходки. Бурый жеребец заинтересовался незнакомой лошастью и, подняв голову, стал смотреть на неё.

Караман вдруг громко рассмеялся, откинувшись назад, и захлопал в ладошки:

– Ох-ох-ох, Саянжан, значит, ты во сне увидел, как жеребец обрадовался неожиданной гостье и глядел на нее не сводя глаз. Вот так надо сны смотреть, во всех подробностях и красоте. Научил бы и меня видеть такие сны, а? Ой, потеха!..

– Не верите? Взгляните сюда. Вот, в этих местах трава совсем не тронутая. А вот здесь, досюда, она местами пощипана. То есть бурый жеребец отвлекся на иноходку и оторвал голову от травы.

Караман и Ахмет оба разом всмотрелись на землю и, не найдя, что возразить, внимательно прошлись по отпечаткам копыт.

– В твоих словах есть крупинцы истины. Можно согласиться, – рассудительно сказал дед Ахмет.

– Ой, и вправду так! О, Саян, ты настоящий мужчина! – Караман похлопал Саяна по спине, выражая свое искреннее восхищение. – Из тебя получится самый что ни на есть хороший следователь. Ну, рассказывай, что дальше было?

Было смешно глядеть на его полураскрытый от удивления рот, на его прищуренные глаза, жаждущие узнать что-то загадочное, таинственное, но Саян удержал себя и ответил серьезно:

– Бурый жеребец сначала дичился незнакомой лошади, но, пройдя немного вперед, обернулся к караковой кобылице, о чем свидетельствуют вот эти вот следы.

Но вопросы Карамана не были исчерпаны.

– Откуда ты узнал, что это была кобыла? Об этом еще не сказал. Как ты докажешь свои догадки?

– Есть два неопровержимых доказательства. Первое – я же сказал, что бурый жеребец остановился и повернулся в сторону, откуда донесся незнакомый запах.

– Да, это ты говорил. Но ведь он бы повернулся, если бы эта лошадь и не была кобылой.

– Да, но взгляните на это мокрое местечко. Кобыла, которая пришла сюда издалека, да еще и по принуждению, была вынуждена терпеть всю долгую дорогу, а тут она облегчилась с журчанием. Образовалась небольшая ямка, земля слегка разбрызгана по сторонам. Вы сами не раз видели наверняка, что у лошадей мужского пола струя ложится вперед, а у самок – назад. По этому следу видно, что кобыла смотрит в сторону жеребца. Бурый жеребец, вот, с северной стороны. Когда кобыла стала мочиться, земля была немного распылена в южную сторону.

– Да, да, вижу. Оу, да это же вовсе и не лошадиный след?.. Нечто непомерное. – Караман нагнулся к земле, словно собрался продырявить землю носом. – Ослепнуть мне на месте, если видел когда-либо подобный след.

– Я же говорю, ага, этот ночной пришелец хитрюга и шельмец!

– Ты такой молодой, откуда слов таких набрался: «хитрюга, шельмец»?

– Я всегда прислушиваюсь к разговорам старших. Если чего не понял, переспрашиваю.

– Наверное, и мне впредь так делать нужно. Ну, и? Что было дальше?

Саян вновь готов был рассмеяться над простодушным видом Карамана, который задавал простые вопросы подобно ученику-тугодуму на уроке, но вновь сдержался, обидится еще.

– Кобыла – иноходка, в этом нет сомнения.

– А, да, я тоже так предполагал, – сказал дед Ахмет, не скрывая, впрочем, своего сомнения.

Саян, похоже, решил доказать свою наблюдательность обоим взрослым спутникам и заявил:

– Это длиннотелая, караковой масти кобыла. Удивляюсь, как она без усталости добралась до этого места.

– Да ты, я вижу, с такими способностями скоро провидцем станешь, ей-богу, ей-богу... – Караман поневоле восхитился и стал причмокивать, смешно округлив свои толстые губы. – Как ты определил масть лошади и ее телосложение, не видя ее саму?

– Ночной всадник был правша, за гриву лошади хватался левой рукой. Когда он нагнулся вправо и правой рукой стал отвязывать треножку, в ночной тьме не заметил, как с гривы лошади сорвались и упали на землю вот эти две волосины.

– Подожди-ка немного. Тебе кто-то в ухо нашептал, что всадник держался за гриву левой рукой и нагнулся на правый бок? Или опять в вещем сне увидел?

– Вот, это следы той ездовой кобылки. Когда праворукий всадник нагибается на правую сторону, то и вес больше падает на правый бок лошади. Посмотрите, видите вот эти две черные волосинки, зацепившиеся за голый куст полыни? Это не наших лошадей. Также вижу, что пришелец приехал конкретно за нами. Причем приехал неспешно, соблюдая большую предосторожность. Шаги кобылы равномерны. При неспешном шаге остаются такие ровные следы. Развязав треножки, всадник без особой боязни слез с лошади.

– А где его следы, раз он сошел на землю? Я что-то пока не вижу их, – нетерпеливо сказал Караман. – Ну-ка, дай мне, погляжу. – Он взял в руку волосину и, растянув ее, рассмотрел внимательно. – И вправду, у наших лошадей нет таких иссиня-черного оттенка волос. Это точно. Да, кстати, как ты определил, что лошадь сивохвоста?

– Посмотрите на эту более длинную волосину, она светлее, белесого оттенка.

Караман взял волосину в руку и с подозрительным видом взгляделся в нее.

– Короткая совсем, какой же это хвост? Это от челки или гривы.

– Ага, всмотритесь получше. Грива бывает мягкой, а хвост потверже. Разве нет?! Вот эта волосинка от хвоста зацепилась за торчащий куст полыни и оторвалась. От хвоста. Грива до полыни не достанет, как же она оторвется?!

– Э-э, есть резон в твоих словах. Ладно, рассказывай дальше. Что потом?..

– Я часто вижу, как всадники ездят, слегка притулившись на правый бок. Если бы всадник был левша, то наклонялся бы на левую сторону.

– Не-ет, Саян, тут я с тобой не могу согласиться. Тут ты явно ошибаешься. Левши довольно редки. Наши все лошади привыкли к тому, что на них са-

дятся с левой стороны, а на состязаниях по кокпару или в тех случаях, когда всадник что-то достает с земли, они подлаживаются на правую сторону. То есть, если человек на лошади левша, лошадь принаравливается к тому, что всадник будет больше наседать на правый бок.

– А что в этом необычного? – вмешался в разговор дед Ахмет. – Как бы там ни было, он развязал треножки.

– Ата, мне кажется, что я прав. – Саян не заметил, как разволновался. – Разве пришедший не будет торопиться побыстрее справиться со своим делом, боясь, что кто-то может застать его? И будет работать той рукой, которая более привычна для него. Для левши работать правой сложнее. Он заинтересован побыстрее закончить дело и смыться.

– Ну, в этом ты прав. – Караман согласно кивнул. – Ты меня сегодня не перестаешь удивлять. Теперь я буду всегда обращаться к тебе, если чего-то не понимаю, и буду брать тебя с собой, если поеду куда-нибудь. А что дальше, говори уж быстрее.

– Сейчас всё расскажу. Пришелец обмотал свои и лошади ноги кусками кошмы, причем отрезал куски от старого, изрядно потертого текемета³. Сейчас я это вижу ясно. Вот эти вот редкие и едва различимые обрывки кошмы красного, зеленого, серого цветов – это от узоров на старых текеметах, об этом вы и сами знаете. Аульные бабушки, когда валяли их, поручали нам, мальчишкам, топтать ногами завернутые в циновки из чия кошмы. А потом сами валяли кошму вручную. И изготовляли текеметы. Если это была домашняя кошма, то она без цветных накладок, и получалась равномерно гладкой и тонкой. Вы и сами всё это прекрасно знаете.

– О-хо-хох, – сказал Караман, словно ему стало трудно дышать. – Кстати, как ты узнал, что иноходь кобылы была мощной, как у скаковой лошади? А потом... что было потом, рассказывай уж.

– Потом? А потом пришелец заторопился. Может, проголодался, может, жажда замучила, так или иначе, ему захотелось побыстрее вернуться. Он снял с копыт иноходки обмотанные куски текемета. Вот, вот эти небольшие округлые отпечатки копыт – это как раз следы не коня, а кобылы. К тому же вес кобылы обычно меньше, чем вес жеребца. А следовательно, и следы ее слегка отличаются от конских, они не вдавливаются в почву и мельче. К тому же, когда хозяин пришпорил ее, иноходка метнулась вперед, и ее передние копыта немного вгрызлись в землю, поэтому следы отпечатались глубже. Если бы хозяин не торопил ее, отпечатки были бы ровными.

Теперь о том, что иноходь кобылы была мощной, как у хорошего скакуна. Это тоже легко угадать. Когда вы сейчас осматривались вокруг, я по следам пришедшей с юга лошади прошел вон до тех мест и рассмотрел их как следует. И про скорость кобылы, не уступающей скаковой лошади, узнал по тем следам. В ауле я часто сравнивал следы иноходцев, и когда с мальчишками соревновались в том, кто раньше других обнаружит следы, я всегда выигрывал. Мы сравнивали следы и определяли, какие остаются от убегающей лошади и какие – от догоняющей. И даже пытались определить по следам вес лошади, ее родословную. Если не могли понять, спрашивали у нашего учителя Мырзабека ага. У него отец был коневодом, он во всем разбирается.

– Мне кажется, у тебя вместо глаз лупа или бинокль. Как ты умудряешься видеть то, что недоступно нашим глазам? – Караман не скрывал, что познания Саяна сразили его как гром. – Нет ли у тебя некой тайны или волшебной силы, позволяющей тебе всё разгадывать?

– Тайна у меня есть.

³ Текемет (каз.) – большая толстая кошма с узорами.

Караман нетерпеливо потер ладони.

– Ну так расскажи о ней. Зачем о каких-то следах толкуешь!.. Ну-ка, ну-ка, рассказывай!..

– Хорошо, расскажу... – Саян опять едва удержался от смеха, видя, что Караман, несмотря на свой возраст, ведет себя по-детски непосредственно, то и дело поглядывая на него с ошалелым видом. Смех сейчас был бы неуместным, ведь Караман мог и не на шутку разозлиться. – Мои глаза хорошо видят и вблизи, и издали. Я как-то читал в одном журнале об американских индейцах. Они легко замечают то, что другие не видят. С детских лет упражняют глаза, и оттого у них зрение острое, как у ловчих птиц. Врагов и друзей различают издали, когда те еще едва заметны глазу. Я тоже делаю упражнения для глаз – как индейцы.

– Во-он оно что?! Мне тоже надо будет заняться этим, – Караман закивал головой, важно оглянувшись вокруг.

– Хорошо, что я взял тебя с собой. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – тихо, будто говорил сам с собой, произнес дед Ахмет, чьи утомленные глаза едва не слипались, морщины на лбу углубились и растянулись больше обычного, а увядшие уголки губ повисли на исхудалых щеках. – Твои рассуждения не вызывают у меня отторжения, и я готов поверить во всё, что ты говоришь. Но хотелось бы узнать, кто же это нас выкарауливает?..

Перед глазами Саяна встал Шахан. Но какие у него доказательства, чтобы твердо указать на него? Делать нечего, придется пока помалкивать.

– Пока не знаю.

– Говоришь «пока»? Значит, считаешь, сможешь разгадать его личность?.. Дай бог, чтобы так и случилось. Ну, а где теперь нам искать лошадей? – В вопросе старика слышалась надежда, что внук знает ответ и на этот вопрос.

Саян снова предался размышлениям. «Начало ручейка выше – где-то вверху. Прерывается ли вода где-нибудь внизу или тянется дальше, этого я не могу сказать. Но злоумышленник явно не вор. Если бы он был заурядным угонщиком лошадей, то не оставил бы тут треножек. У ночного пришельца была другая цель – любым способом отделить нас от других чабанов и от жайляу. Поэтому он прошел по воде некоторое расстояние и, выйдя на берег, отпустил лошадей или погнал дальше куда-нибудь еще. Причина того, что следы лошадей доходят до воды, а потом исчезают, словно их проглотила земля – именно в том, что они пошли дальше по воде. Злоумышленник может затаиться где-нибудь в укромном месте и дальше выслеживать нас. Короче – он ушел вниз, на север».

Саян поделился своими мыслями с дедом, тот его тут же поддержал.

– Я и сам думал, что они ушли по воде. Но не знал, куда нам двигаться – вверх или вниз. А ты прояснил этот вопрос с легкостью, да так, что и слепой не заблудится. Жеребенок мой, умничка, долгих лет тебе жизни... Ну, а теперь нам стоять не резон, пошли. Караман, ты теперь поспеши к овцам. Последи, чтобы они не стали добычей хищников.

– У нас овес еще есть, ата? – спросил Саян, взбираясь на верблюда.

– Да, я на всякий случай приберег в мешке немного корма.

– Без корма лошади могут нам не даваться в руки.

– Кому другому могут и не даваться, а от меня не уйдут. Да-авно я их приручил!

– А бурый жеребец?

– И он тоже. А знаешь, что он еще любит? – Ахмет вытащил из кармана кусочек рафинада. – Тебе не лишне это знать. Сахар любит. Я приручил его стригунком.

Саян промолчал.

Восседавшие кулем между горбами двое – внук и дед – торопились, то подгоняя верблюда на рысь, то отпуская его на корявый, но быстрый верблюжий бег.

«Хорошо, если бы лошади нашлись, – думал Саян, – не найдутся – нам хана. Солнце уже обжигает лоб. Скоро начнет припекать так, что можно потерять сознание. До того времени нам нужно хотя бы на их след напасть.

Кто этот конокрад – грабитель с ночной дороги или местный мститель, затаивший на нас обиду? И что у него за обида, заставившая его пройти такое расстояние в глухую ночь и вредить ничего не подозревающим людям, обрекая их на гибель? Какого лешего ему нужно от нас? Как он посмотрит потом в глаза людям, когда – рано или поздно – его злодеяние раскроется? Нет преступления, которое так или иначе не будет раскрыто. Неужели он не понимает этого?»

Мелководная, вялотекущая речушка то и дело меняла направление, измотав деда с внуком неожиданными изгибами. Если бы она текла прямоком, не сворачивая из стороны в сторону в самых неудобных местах, то и не пришлось бы так часто дергать верблюда за мурундук⁴, чуть ли не с мясом выдергивая эту короткую палочку, вдетую в верблюжью морду, заставляя бедное животное ревмя реветь при каждом разе. У этого бедного двугорбого существа лишь один недостаток – неуклюжесть. Не умеет резко поворачивать по течению мелкой речки. А мог бы следить за направлением темной водицы и поворачивать заранее, так нет, это ему не с руки. Из-за этого идет напролом, по инерции своего движения, и то и дело бьется коленом о неглубокие отмелистые берега, едва не падая кувырком.

– Эй-эй, да что он делает, а? Глаза, где глаза-то?! Не дай бог споткнешься еще да покалечишь нас!.. – ворчит дед, изображая гнев. Но он это так, для виду только ругается. Почувствовав благодушное настроение деда, Саян поверил, что лошади найдутся. «А если не найдутся... тогда белый свет для нас померкнет навсегда. Даже страшно подумать, что будет дальше. Пожалуй, один раз придется попользоваться этой грязной водичкой, где мелькают полчища ползущих тварей, – надо будет только много раз прокипятить ее, а там как-нибудь, пусть и с нечеловеческими трудностями, преодолеем этот тяжелый путь. Больше нет воды. Но вот пройдем мы это расстояние – умаявшиеся, измотанные, едва держась на ногах, а как дальше выберемся из жгучих барханов Куланшоля, которые будут ждать с раскрытой пастью, готовые поглотить и смешать с песчаными грядами?... Это невозможно! Как же нам с честью преодолеть это неожиданное испытание?»

Ахмет сбавил ход двугорбого и стал смотреть вперед через бинокль.

– О боже! – в голой степи раздался вдруг его радостный крик. – Ох, маленькие, вон они, нашлись, нашлись! На, посмотри сам. – Он быстро передал бинокль Саяну. Саян успел заметить, что дед изменился в лице, руки его дрожали. – Ты спас нас от смерти, внучек... – Дед, стиснув зубы, отвернул от него лицо. Саян впервые был свидетелем того, что дед растроган до слез...

Лошади нашлись. Загадочный человек, оставивший округлые, грубые следы, видимо, оставил лошадей здесь, а сам двинулся дальше. Желания погнаться за ним, преследуя по свежим следам, у них было в достатке, однако времени на это уже не оставалось.

Между тем Саян только что обнаружил новый след, но сообщать об этом деду не спешил, хотя и испытывал чувство вины – но он решил сначала разобраться, что это за след. Как и почему здесь появился этот большущий отпе-

⁴ Мурундук (каз.) – протетая через носовые хрящи верблюда маленькая палочка, к которой привязывают поводок.

чаток ноги? И это не лошадиный след, нет – человеческий. По его разумению, этот Некто, убедившись, что никаких преследователей за ним нет – а если бы и были, никто его тут, в укромном малозаметном уголочке, да еще в такую глухую ночь, не застанет врасплох, решил размять затекшие от долгого сидения в седле ноги и слез с коня. И когда он спешился и пошел пешком, лоскуток черного сатина, которым он обвязал войлочную обертку на ногах, зацепился за торчащий стебель полыни, и обвязка распустилась. Направившийся по инерции к лошадам Некто сначала не обратил на это внимания, но потом приподнял левую ногу и обвязал войлок заново – покрепче. Но всё же у куста полыни остался едва различимый след. Тоненький обрывок нити от полоски черного сатина, зацепившийся за стебель полыни, тихо развевался на ветру.

Самое удивительное – отпечаток левой ноги был чрезвычайно крупным. До сих пор он лишь дважды видел такие большие следы от сапог. Но всё же этот был особенный. След от пятки неровен, такое впечатление, будто на заднюю левую сторону каблука прикреплено что-то твердое. Или он человек грузный, криво ступающий на ноги? Или, может, он косолап? Есть тут какая-то тайна. Как бы ни было, дело в том, что этот след не похож на отпечаток ноги обычного человека – слишком крупный, и на пятку давит весьма большой вес. Это заметно по тому, что след пятки отпечатался необычно глубоко. А засохшие мелкие, размером со спичку, обломки стебельков под кустом полыни не просто согнуты, а равномерно, вкось, раздавлены и разломаны. Если на каблуке сапога не было металлической набойки, он бы не разломал сухие травинки на земле, а просто примял бы их и придавил слегка. И хоть следы остались бы от обеих ног!.. Тогда можно было бы больше узнать об этом загадочном следе, раскрыть его тайну. А теперь вот ломай голову, напрягай мозги... Одно ясно: ночной пришелец был больно уж хитер и осторожен.

Какая жалость, что остался след только одной левой ноги. А может, этот Некто – одноногий? Нет, вряд ли, поскольку крупные округлые следы схожи друг с другом и по размеру, и по весу. Как тут появились эти непонятные следы – отличные от отпечатков ног обычных людей и не похожие ни на какие другие оттиски? Может, кто-то хотел сбить с толку, ввести в заблуждение преследователей, если таковые будут, или просто напугать? Саяну доводилось видеть и в ауле такие непонятные, загадочные следы. И правда, ведь те, аульные следы очень похожи на эти?.. Что же получается – следы одного человека или все-таки разных людей? Почему только следы великанов? Может, этот Некто думал, что отпечатки ног великанов испугают преследователей и они не станут дальше идти по его следам? Но он должен был понимать, что сейчас, когда существует закон, когда есть милиция, оружие, наконец, имеется, никакой великан ничего не может сделать с простым, обыкновенным, пусть даже и слабым человеком!.. Как такие люди могут не знать, что в любой схватке справедливость и воспитание одолеют дурную, мерзкую, грубую силу?

Саян всё еще думал об этих следах и следах, которые он недавно видел в ауле и которые немало удивили его тогда...

Глава V Хочет увести Рыжуху? Мертвый пленник в Батпаккаре (Черном болоте).

Как хорошо, что его дед и бабушка приезжают из овцеводческого аула как раз перед началом летних каникул! Саян обрадовался еще больше, когда дед сказал: «Будем косить траву в низовье Батпаккары. Рыжуху – игреневую лошадь твоего отца, я специально оставил для телеги. Он как-нибудь обойдется без нее, а коров пусть попасет с лошастью кого-нибудь из товарищей-друзей».

Пока они на тарахтящей арбе неспешно добрались до Батпаккары, находящейся в трех километрах от аула, солнце стало припекать не столь жаростно. Жара, способная довести человека до белого каления и от которой мозги слипаются, пошла на убыль. Когда наконец желтая совхозная нива, долго мелькавшая рядом, отстала от них, дед, проехав еще немного, остановил арбу у лугового оазиса перед болотной низиной, где тихо колыхались густые заросли остреца, ползучего пырея и прочих сорняков.

Дед Ахмет, размахисто орудуя острой косой, высокую, по пояс, траву скашивал под гребенку. Саян ходил за дедом с вилами с коротким черенком наперевес, подбирал сложенные волнами рядки скошенной травы и закидывал на повозку. Он был уже утомлен этой нелегкой работой, когда раздался озабоченный голос бабушки:

– Саянжан, иди, поглянь на лошадь, что-то не видно ее. Мы же давно отпустили ее, как бы в болото она не угодила, – сказал он, разгибаясь и устало распрямляя натруженную спину.

Это было то самое, чего давно хотелось и самому Саяну. Саян забрался на ближайший холм, двигаясь наискось, и, не увидев Рыжуху, поспешил к следующей возвышенности у оврага. Вот тебе на!.. Что это там за человек?

Незнакомый всадник уводил Рыжуху, то и дело озиравшуюся назад, словно ища спасения. Незнакомец часто взмахивал кнутом, но не бил им Рыжуху, а только, видимо, припугивал, подгоняя ее. Широкая брезентовая треножка не давала Рыжухе двигаться быстрее, и она, стреноженная, едва передвигавшая ноги, снова и снова оглядывалась назад, но незнакомец не обращал на это ни малейшего внимания.

«Гонит в сторону болота?! Чего это он прицепился к чужой лошади? Хотел увести, думая, что за покосом хозяева не заметят кражи? А может, задумал незаметно утопить в болоте Батпаккары? Не бандит ли это? – думал Саян, задыхаясь от волнения. – По одежде не скажешь, что бандит. Но ведь и бандиты одеваются в обычную одежду?» Саян едва не рассмеялся собственным мыслям. «А как он должен одеваться? Он тоже человек. И спецодежду им не выдают...» «Ты прям как ребенок, ей-богу!» – осудил сам себя Саян слегка охрипшим голосом, подражая деду.

Незнакомец, уводивший Рыжуху в сторону болота и подгонявший ее кнутом, как это показалось Саяну, был очень крупным, косая сажень в плечах, в коричневой плетеной шляпе, в серой рубахе в прямую, коричневого расцветки полоску. Он неожиданно обернулся назад, словно почуял, что за ним следят. Саян тут же присел в высокую, под лошадиное брюхо, траву и остался незамеченным.

Куда он направился? Если хочет украсть нашу лошадь, то почему до сих пор не оседлал ее или не уводит на поводу, сняв путы на ногах? Тут явно некая тайна.

Медленно удалявшийся здоровенный, дюжего роста мужчина, со стороны похожий на громадный кусок гранитного камня, гнал Рыжуху вперед, то и дело припугивая и пошлепывая кнутом по боку и не давая ей сойти с тропинки.

Батпаккара, вон она – болотистая низина, покрытая свинцового оттенка пеленой и наводящая страх своим жутким обликом. Говорят, в давнюю пору тут было озеро. И в некие времена земля со стоном разверзлась, и огромные пласты земли, содрогаясь, образовали гигантские разломы. И подошва озера Батпаккара была разорвана в нескольких местах, куда и ушла, как считают, вся озерная вода. Но по прошествии веков разрывы срослись. Однако толку от этого не было: озеро испарилось, а вместо него появилась огромная болотистая прорва. Что интересно – говорят, Батпаккара раньше занимала гораздо большую площадь. Но потом год от году стала ужиматься в размерах, и болото с

твердым и густым травяным покровом со временем превратилось по берегам в зыбучую, топкую заболоченную поверхность. По краю желто-зеленой глинистой почвы зеленеет дернистая, плодородная земля. А еще ближе – густые луга, бьющие лошадь в грудь. И хотя название Батпаккара звучит нынче не так устрашающе, как в прежние времена, – как о том рассказывают старики, – но выглядит она всё так же пугающе. И к ней стараются не подходить близко и люди, знающие про это болото, и чующие опасность четвероногие.

А если случаем та или иная скотина сунется вглубь болота на несколько шагов и угодит в алчные объятия Батпаккары – пиши пропало. Вязкая трясина болота – пучина, готовая поглотить любого. Травянистая вязкая глина, легко прилипающая ко всякому телу, намертво ухватится и медленно потянет в бездонную воронку. И чем сильнее будет брыкаться «пленник», тем алчнее и прожорливее станет всасывать его в себя. Рыжуха с такой прытью может и угодить в это самое болото.

«Может, вернуться и привести с собой деда? А если этот здоровяк толкнет лошадь в темнеющую пасть вечно голодной пучины, пока он будет ходить за дедом? Угрюмая бездна тут же ухватится за нее. Единственное спасение – в сопротивлении. Но если крикнуть, этот злодей может ведь поймать и столкнуть в болото, чтобы я не рассказал кому-либо об увиденном и не выступил свидетелем... А рассчитывать на чью-либо помощь бесполезно – вокруг ни души. Сейчас есть лишь два варианта: если я не спасу – погибнет лошадь, если попытаюсь помочь – погибну сам».

У Саяна застучало сердце, не зная, что предпринять, он в растерянности и волнении поднялся в рост, и тут мужчина его заприметил и удивленно обернулся к нему. Саян тут же узнал его – Тулебай!

Его обветренное черно-бурое лицо было зловеще холодным. Под тяжелыми, выступающими вперед надбровными дугами торчали всклокоченные брови, похожие на вырванные и приклеенные наспех клочки шерсти черной козы. Под широкими, мясистыми ноздрями вольно разлеглась длинная, черная полоса усов – густая, щетинистая заросль. Толстые, темнеющие губы, похожие на пару борозд, оставленных лемехом тракторного плуга. В распах пыльно-серой рубахи виднеется косматая грудь, словно под рубашкой у него надет черный тулуп с мехом наружу.

– Ассалаумалейкум, ага! – Саян поздоровался, всё еще находясь под давлением первоначального страха, и не сдвинулся с места. Его немного успокоило то, что человек оказался не каким-то незнакомым чужаком, а более или менее известным ему Тулебаем. Он видел этого человека пару-тройку раз в ауле. И чего его бояться, он же не страшилище какое-нибудь?! Каким бы ни был великаном, он тоже человек, в конце концов.

– Алейкум салам! – От громыхающего голоса, казалось, всё вокруг встрепенулось.

– Ага, ведь это Рыжуха, наша лошадь. Почему её бьете кнутом? – спросил Саян, не сдержав своего гнева.

– А зачем мне её бить?! – Тулебай прогремел, будто ничего особенного не случилось. – Я искал во-он на той стороне землю для покоса и увидел ее. Показалось, что она движется к болоту. Поэтому я и вернул ее, вот.

– Если бы меня не было, вы бы потопили Рыжуху в болоте, небось.

– Оу, миленький, что такое ты говоришь? Зачем мне ее топить? И зачем мне тебе врать?! А?! – Тулебай снова прогремыхал, да так, что от его оглушительного голоса, казалось, разверзлось небо и заиграли молнии над головой. – Кертобеля твоего отца дали мне, а мою Рыжуху отдали ему, так ведь? И что я, ополоумел, чтобы погубить свою лошадь? Э, сыночек, не надо думать так

плохо, тебе, наверное, со страху так подумалось. Поймай и забери ее, милый, и дело с концом.

Саян несмело направился к Рыжухе – ему было немного стыдно, да и боязно. Толебай, усмехнувшись, покачал головой. Затем, даже не оглянувшись, отправился восвояси.

Саян снял треножку с ног Рыжухи, взял ее за поводья, затем, ухватившись за гриву, запрыгнул лошади на спину. Кто знает, может, он остался бы без лошади, если бы чуток опоздал. При этой мысли сердце его громко застучало, он с тревогой оглянулся вокруг, но никого не увидел. Болото лежало всё так же безмолвно, с бездушно-суровым видом, вспухшее от плохо сдерживаемой ненависти ко всему живому. Сейчас оно и вовсе похоже на некую жуткую пропасть, покрытую огромным темным стеклом, сквозь которое ничего не видно, и ничего не растет на поверхности. Лишь на ближнем берегу болота виднеется пара голых веток, а чуть дальше, на много километров вдаль, расстилается черно-серая, непрозрачная топь, отсвечивающая мертвенно холодным гляncем. Как эти прутья не утонули? Если кинуть их подальше, исчезли бы, поглощенные бездной?.. Видимо, ближний берег болота не столь глубок. Иначе почему эти веточки всё еще торчат?..

Он сошел с лошади и снова стреножил ее. Походив вокруг, нашел длинную палку и, осторожно подойдя к краю болота, стал тыкать ею в лежащие на поверхности пару коротких прутьев с острым концом. Похоже, будет нелегко их сдвинуть с места. Как они могли укрепиться в болотной грязи? Почему не утонули?

В том, что такие узловатые короткие прутья не утонули, а выступают из болота, словно пальцы гориллы, несомненно, было что-то загадочное. Кто-то кинул в болото длинное дерево, или, может, какая другая тут заговоздка? Но откуда здесь взяты деревья? Роца Амантогай на другом конце аула. Какой дурак будет оттуда таскать сюда целое дерево, пыхтя и потая почем зря? Зачем будет тратить силы, чтобы утопить его? И почему две эти ветки выступают на одинаковую высоту и расположены рядышком, будто кто-то их подпирает из-под болота?

Или кто-то измерял глубину болота? Однако глубину могли измерить и на расстоянии шага или двух от берега. А эти прутья лежат как минимум в четырех шагах. Почему только немного дальше?

Саян прошелся по ближним оврагам да ложбинам и в конце концов нашел то, что ему нужно – длинный провод. Закрутил конец наподобие удавки и, раз за разом закидывая на веточки в болоте, зацепил чудом одну, ту, которая справа. Концы веточек были острыми, одного размера и одинаково загнутыми, будто кто-то их специально погнул. Саян потянул веточку на себя изо всех сил, и обе веточки, словно ожив, тяжело шевельнулись. Или это ветки какого-то бревна, затонувшего на ближнем краю болота?

Саян завязал конец проволоки на шею лошади, ближе к груди, и дернул за поводок, погоняя с криком «Чу-у!». Рыжуха, напрягшись, сделала несколько шагов вперед. Две короткие веточки дернулись, и вдруг из-под них показался заляпанный густым слоем грязи правый висок чьей-то огромной головы. Голова была в ужасном, устрашающем состоянии. От одного ее вида просто мороз по коже. Налипшая грязь делала ее еще безобразней, и почудилось, что это голова некоего неизвестного чудовища.

Саян содрогнулся, но постарался отогнать страх. Всмотрелся внимательно. Голова коровы! Но как она тут оказалась? Когда она потонула и почему до сих пор не ушла на дно? Непонятно.

Лобовая часть головы, глаза и уши, рот и нос – всё было вымазано грязью и выглядело отвратительно. Рыжуха дернулась еще раз, и конец проволоки

тут же соскочил. Мертвая голова плюхнулась в грязь и потонула. Стало ясно: то, что Саяну казалось ветками, было рогами коровы, и они каким-то чудом торчали над поверхностью болота.

Дед Ахмет, озабоченный пропажей Саяна, в скором времени нашел его на берегу болота.

– Осторожнее, сынок, не утони в болоте. Поди сюда. Не нашел другого места для своих игр?

– Ата, посмотри на вон те коровьи рога. Я попробовал вытащить голову, не получается.

– Какая корова может сюда приплестись?! Сюда же никто свою скотину никогда не подпускал... Заблудилась, что ли? С этой стороны – посевы, это – Батпаккара, а там дальше – озеро. Покосный луг только тут. Какое может быть тут пастбище, на этом клочке, с ладонь, земли? Да и у кого хватит смелости пригонять скот на выпас на этот безлюдный закуток у болота? – изумленно сказал старик и тихо, словно сам с собой, продолжал: – По обеим сторонам асфальтовой дороги к аулу – хлебные поля. Пробираешься, будто через мост в чистилище. Сюда же скот никогда не забирался. Или жажда заставила? Кстати, а не Акимжана ли это корова, которую он якобы потерял, когда беспечно отдыхал дома? Вполне может быть, что это та самая буренка, похоже, увязла в болоте и погибла...

Старик вдруг взбудоражился и, не медля, приступил к делу. Отвязал концы длинных вожжей от узды и привязал к хомуту с двух сторон. Найденная давеча Саяном проволока пригодилась и теперь. Ее завязали с двух концов узлом и надежно прикрепили в середине к вожжам. Затем хорошенько зацепили рога и стали погонять Рыжуху: «Чу-у! Чу!..» Когда на поверхности болота показалась коровья голова, старик вдруг взволновался и хлестнул Рыжуху плетью. Рыжуха что есть мочи напряглась, но вытащить корову не смогла. Старик тут же ударил ее пощечей, и Рыжуха, раздвиг ноздри, с истощенной натугой дернулась вперед. Вожжи с треском порвались. К тому же проволочный узел соскользнул с заляпанного грязью и склизкого рога.

– Чёрт! – Ахмет стиснул зубы и выругался. – Надо будет принести аркан покрепче и тянуть трактором, иначе ничего не выйдет. Ты погляди тут за лошадью, а я пойду договорюсь вон с тем трактористом. А, нет, не так, лошадь-то я заберу. Походи здесь маленько, я скоро.

Дед отвязал Рыжуху от повозки и, сев охлябью, потрусил к одинокому трактору, маячившему на горизонте. Вскоре он вернулся, ведя за собой дребезжащий трактор «Беларусь». Оказалось, что какой-то парень собирал тут сено и был во всеоружии – и трос, и вилы, всё было при нем.

Теперь от проволоки толку не было, и Саян выбросил ее в сторону. Ахмет завязал конец железного троса петлей и, метко бросив на торчащие рога, снова зацепил их.

– Ну, сынок, тяни осторожно, а то аркан свой разорвешь, – сказал белобрисому парню с голубыми глазами.

Парень улыбнулся и с хитрецей подмигнул Саяну:

– Этот аркан не то что корову, трактор может потянуть и не порвется.

– Ладно, ладно, ты, главное, тяни осторожно...

Трактор медленно сдвинулся с места. С его натужным рывком вперед коровья голова в болоте разворачивалась к ним. Затем повернулась и шея, и стало выплывать на поверхность всё ее грузное тело, всё больше приближаясь к сухому берегу. Появившаяся из-под земли туша громадных размеров черной буренки была страшно распухшей. Шкура ее, непонятно почему, продырявлена во многих местах. Мертвое тело выглядело ужасно – страшно было на него смотреть, казалось, что это не корова, а какая-то непонятная порода бегемота.

От зловонного запаха, разнесшегося вокруг, Саяна едва не стошнило. Масть коровы определить невозможно, она лоснилась от темно-серой болотной грязи.

Наконец огромная туша коровы, больше похожей на чудище из сказки, была вытащена на берег.

– Оу, это же пегая буренка, которую доит наша невестка Жибек. Вон, посмотри на ухо. Знакомое тавро! Ох, не зря я с самого начала почяул неладное. Удивлялся, что она вдруг исчезла без следа. Догадывался я, что тут кроется некая каверза. Иначе кто бы тут стал пасти свой скот? Это что же за напасть такая! Что за издевательство!.. С каким трудом я обрел свою буренку. Выходит, отдал ее за эту мертвую тушку?! Надо сказать Шахану, показать эту мертвечину. Сказать, что никто не воровал ее, она сама сгинула в болоте. Нашу-то корову вернет обратно, должно быть. А тебе, сынок, большое спасибо, – сказал дед юному парнишке, уходившему со счастливой улыбкой на лице.

– Получше за своим скотом смотрите, – посоветовал он напоследок, перекивая шум мотора.

Дед Ахмет, соглашаясь, виновато кивнул головой:

– Видишь, что происходит в мое отсутствие. Но ты, голубчик, сделал большое дело, – сказал он, глядя на Саяна с благодарной нежностью. – Никто бы не отыскал эту корову, если бы не ты. Иншаллах, так и станешь настоящим мужчиной.

– Ата, по-моему, кто-то загнал корову в болото специально.

– Брось, миленький, не говори ерунды, – слова Саяна не понравились деду. – Какой придурок станет загонять живой скот и топить его в болоте? Зачем ему такая собачья возня? Если кто задумал злодеяние, мог просто зарезать и оприходовать мясо, или утнать на худой конец. Зачем топить в болоте?

Перед глазами Саяна встала картина того, как Тулебай угонял Рыжуху куда-то, подгоняя хлыстом. Про это Саян промолчал. «Если расскажу, дед вряд ли поверит, посмеется, считая это детскими придумками». Но всё же не хотел смолчать и сдать без боя.

– Тогда надо думать, что корова была чем-то больна?

– Ой, боже, что за чушь несет этот мальчишка?! И это слова отличника, которого мы считаем почти взрослым человеком!.. Больную корову никогда не держат в стаде. Сразу отделяют ее или лечат, не подпуская к стаду, понял ты или нет?

– Понял, – сказал Саян, всё еще не желая признать себя побежденным. – Если бы корова была больна, она могла в бешенстве сама броситься в болото, но если она была здорова, значит, кто-то, в пику отцу или ему в отместку, пригнал корову сюда, отделив от стада, и загнал в болото. Если бы такой человек зарезал корову и утнал, разве люди этого не заметили бы? В ауле все друг у друга на виду.

– Охо, умничка, это ты верно заметил. Продолжай, продолжай свою мысль. Почему ты думаешь, что корову кто-то специально сюда загнал?

– Потому что корова остановилась не на самом берегу болота, а сделала несколько шагов вперед и потонула там. Значит, она чего-то боялась. Кто-то сзади безжалостно колотил ее хлыстом и гнал вперед, не давая вернуться ни назад, ни в сторону. Испуганная корова могла изо всей силы ринуться вперед и прыгнуть в самое болото. А оттуда уже не смогла никак воротиться назад, как бы ни пыталась вырваться из топкой грязи. А поскольку это была убегающая корова, то и голова, и шея были обращены вперед да так и остались в этом положении.

– Вот молоде-ец! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, – дед трижды сплюнул на землю. – Почему такие мысли не пришли мне в голову, а?! И в самом деле, всё могло произойти именно так. Ну, что ты еще хочешь рассказать?

– Мне кажется, что у человека, загнавшего корову в болото, в руках был специально сделанный мощный кнут, и сам он был человеком огромной силы.

– Э, а это ты откуда понял? Заливаешь, словно рядом с тем человеком находился. – Дед мелко захихикал.

– Если бы это не был человек большой силы, корова не стала бы убегать. Понукания обычного человека ей не страшны. Она ринулась в болото только потому, что испытывала нестерпимую боль.

– И с этим твоим доводом можно согласиться. Резонные слова. Это всё, или у тебя есть какие-то еще соображения? – спросил дед, хитро прищурившись, словно говоря: «Ну, небось, больше нечего сказать?»

– Есть! – твердо произнес Саян.

– Вах! – Дед удивленно взвел брови вверх. – Что ж, я весь внимание.

– Загонявший корову в болото человек хорошо знаком с местностью, знает все ямы да колдобины. Я точно знаю, что отец в этих местах не станет пасти скот. Значит, человек, который хотел навредить ему, смог незаметно отделить корову от стада и пригнал сюда. Пригонять сюда скот пешком – себе дорожке. Он был на лошади. И не на абы какой неважной лошади, а на такой резвой, как наша Рыжуха. Которая может догнать, когда преследует кого-то, и ускользнуть от погони, если убегает. То, что корова не смогла увернуться от преследования и была загнана в опасную топь, это заслуга такой лошади.

– Здорово! – дед снова был поражен. – Скажем, ты догадался, что буренка кем-то была загнана сюда, что погонщик хорошо знает эти места и под ним была выездженная или просто хорошая лошадь, что в руке у него был бич, сам он не какой-то замухрышка, а амбалистый крепыш, и что он имеет зуб на твоего отца и мстит ему за что-то. Надо думать, ты знаешь и то, кто этот человек?

Перед глазами Саяна возник Тулебай. Но как Саян докажет, что это был именно он? Разве нет других здоровенных мужиков с хорошим конем под собой?! Обвинять понапрасну невиновного – постыдно.

– Не знаю! – сказал Саян. – Пока не могу этого сказать.

– Ладно, на сегодня достаточно и этого. В любом случае, ты меня сегодня поразил, да так, что никогда мне не забыть. Боже, сбереги моего внучонка от бед и напастей, от дурного глаза да завистливых языков! А ты, милый, не показывай везде свой ум, остерегайся. А то сглазят...

– Хорошо. – Саян был окрылен в душе благодарным видом дедушки. «Теперь по-любому возьмет меня на жайляу. Это – бесспорно».

– Я еще немного покошу. А ты поиграй пока. – Дед снова приступил к по-косу. А перед мысленным взором Саяна вновь замаячил Тулебай.

– Ата, я схожу в Батпаккару. Быстро вернусь.

– Как хочешь. Только будь осторожен, не подходи к болоту.

Саян почувствовал во весь дух и вернулся к берегу болота. Корова лежит на месте. Саян почувствовал, как сильно она протухла. В недавней кутерьме он не придавал значения некоторым обстоятельствам. Кстати, Тулебай говорил, что «искал место для косьбы», но это, видимо, было ложью. Почему он сошел с коня, проверил подпругу и затянул ее? Ослабла подпруга, или он просто хотел выиграть время, чтобы оглядеться вокруг?

Если бы он искал место для сенокоса, то не стал бы так задерживаться, а сразу бы ушел в низовья Батпаккары. А он поступил иначе. Неторопливо осмотрелся по сторонам и направился вверх. Зачем надо было врать? Или правду сказал?

Саян зашагал вверх. Вскоре плодородная почва с густой травой закончилась, и он ступил на сухой участок земли, где давеча остановился Тулебай и... – то ли от страха, то ли от удивления – внезапно замер. Почудилось, будто

на сухую почву некая волшебная сила аккуратно наложила отчетливые, словно выгравированные на камне, ясные следы. Знакомые отпечатки лежали перед ним во всей своей красе.

Удивленный, он сделал несколько шагов возле следов, когда невдалеке обнаружил еще один такой же след. Первый след Тулебая. А этот след – тоже его?.. Оба следа одинаковые. Возможно ли, чтобы кто-то другой прошел здесь прежде Тулебая? Или наоборот? Кстати, он ведь видел подобный след и раньше? Да, видел. Знакомый след. Один в один. Тот самый след...

Сердце заколотилось, словно хозяин этого следа мог выскочить из-за спины и наброситься на него; он опасливо огляделся вокруг себя – никого нет. Приложил к уху ладонь и прислушался – кроме звонкого стрекота кузнечиков посторонних звуков не уловил. А и вправду, нет ли кого поблизости? Может, кто-то прячется в густой луговой траве? Где гарантия, что хозяин этих чудных огромных следов не притаился в той чащобе красной лакрицы и не следит за каждым его движением? Ведь именно эти следы он обнаружил за тем злодеем, который хотел угнать их пеструю буренку. И не он ли – Саян – воспрепятствовал злодеянию? Хозяин этих следов позднее почувствовал это и, конечно же, кусал локти, что какой-то мальчишка обвел его вокруг пальца. И стал следить за ним, и пришел сюда. Ясное дело, что он готов, если выдаться удобный случай, задушить его и бросить в болотную топь Батпаккары. Или хозяин этих следов – некто другой, связанный с Тулебаем грязными делами? Возможно, у них у обоих одно намерение – навредить. Но за что?

Этот крепыш мог скрытно наблюдать со стороны, как они вытаскивали тушу коровы, превращенной в мертвую пленницу Батпаккары, и незаметно удалиться. Или не имеет отношения к этому случаю? И что интересно – редкостный след, прибывший из той стороны сюда, ступив на эту дернистую полянку, чего-то убоился. И вернулся назад, чтобы скрыть свой след. А на дернистой почве обнаружить след весьма затруднительно. Если трава была примята, она, известное дело, через какое-то время выпрямится и вернется в прежнее положение. Исходя из этого, можно заключить, что с тех пор, как хозяин сих следов появился тут и ушел отсюда, прошло определенное, возможно, довольно продолжительное время. Только непонятно, почему следы не стерлись.

Если поделиться с дедом этими мыслями, то он наверняка отчитает его: «Не морочь голову!» или даже на смех поднимет: «Хватит, хватит уже! Заставь, говорят, дурака молиться, так он голову себе разобьет!.. Ты что, пришел сюда, чтобы все следы тут обследовать?..» А это уже не просто шутка, пусть и безобидная, но насмешка. Нет-нет, ему не хочется быть объектом насмешки, пусть даже и со стороны любимого деда. Потом, при случае, он расскажет ему про свои соображения.

...Да, это те самые следы. Скорее всего. Он же видел их той ночью... Да, видел...

Глава VI

Кто увел пеструю корову? Мычащее страшилище.

Невидимое свидание. Чудной след. Кто-то пустился в бег.

В тот день Саян, как обычно, играл с ребятами в футбол на зеленой полянке в логу и вернулся домой с сумерками. Мать беспокойно суетилась во дворе, вместо того чтобы тихо готовить дома ужин, как это бывает по обыкновению. Почему сегодня она какая-то тревожная?.. Случилось что?

– Сыночек, где ты ходишь-то? Пеструхи до сих пор нет. Обычно она сама спешит домой, привыкла, что ее ждет корм. А что с ней сегодня случилось... Отец еще на работе, некогда ему. Так что иди, миленький, поищи ты! Если

прознают, что она племенная корова, могут выкрасть. Темноты не боишься, наверное?

– Не-а, не боюсь...

– Всё же возьми кого-нибудь из друзей с собой. Как бы бродячие собаки не покусали.

– Не-ет, не надо, сам найду и приведу, – Саян торопился уйти.

– Ладно, беги тогда.

Искать одному скучно. Саян пустился во весь опор и прибежал к дому своего друга Адильбека, с которым сидит за одной партой. После условного сигнала – троекратного художественного свиста открылась маленькая дверь в углу тяжелых железных ворот и показалась кудрявая голова Адильбека.

– Что-то случилось? – Он был удивлен неожиданным визитом друга в столь позднее время.

– Наша Пеструха пропала. Пойдем, поищем вместе? А то мне одному скучно будет.

– Ладно. Фонарик захватил? О, это хорошо. Будем в темноте лучи запускать.

– Кстати, захватил два болта с гайками. Захвати спички, я забыл.

– А спички вообще нужны? – Адильбеку было лень искать.

– Еще как нужны. Будем пулять в темноте, посмотришь, как взлетят огоньки.

– Ладно, – кивнул Адильбек и пошел в сторону загона. – Саян, я купил свисток, похож на милицейский, возьму и его с собой. Посмотрим, как звучит ночью...

Когда они удалились за аул, красные лучи солнца давно уже истаяли, и всё вокруг было покрыто тускло-коричневыми сумерками. Обычно вечерний сумрак начинает сгущаться, когда возвращающееся с выпаса стадо достигает торчащего столба у асфальтовой дороги перед въездом в аул.

Два друга прошли вдоль поля люцерны на востоке и ячменя на западе и вошли в рощу Амантогай, где темнеют густые ряды карагача и кленов. Воздух тут душный. Беспорядочно переплетенные кустарники теснятся рядом с высокими деревьями. Днем это незаметно, а в темноте жесткие ветви карагача так и норовят поцарапать тебе лицо, а то и высадить глаз. Такое впечатление, что они весь день дожидались твоего прихода и теперь стараются не упустить предоставленной возможности. Ты, конечно, пытаешься обойти эти выставленные как штыки ветки – то согнувшись в три погибели, то старательно обходя их, но всё это весьма надоедливое занятие. К тому же и бесполезное – пестрой буренки нет как нет.

– Адильбек, ты не устал? Что теперь будем делать?

– Пойдем, поищем в Куйгенжаре.

– Ой, что там корове-то делать?

– Коровы всегда проходят рядом с тем местом, когда возвращаются с выпаса.

– И что с того, что проходят рядом?

– Может, прилегла в каком-нибудь овраге там?

– Ну прям, думаешь, коровы такие глупые?! Зачем им валяться в грязи, пачкать свои бока?! И к тому же у коровы будет ломить вымя, если она не выдояна вовремя. Зачем ей зря мучиться? Если бы я был коровой, сразу бы домой пришел, ни на что не отвлекаясь. Наелся бы поставленного перед собой корма, отдал бы всё молоко и потом разлежся удобно да спал беззаботно. Конечно, не забыл бы перед этим произнести, как моя бабушка: «Ох, и устал я!»

– Ты, может, так и поступил бы, если бы был коровой. Но ведь ты не коровочеловек!..

– Но и ты не коровомальчик, хи-хи.

– Ха-ха-ха, у коровы нет даже мальчишеских мозгов. Им неведомы хитрости, которых у нас видимо-невидимо.

– Не скажи, коровы – умные животные.

– Ха, за Пеструшку свою обидно, да? Если бы коровы были умные, то не пропадали бы почему зря.

– Вот если б ты был коровой, то я бы тебя быстро отыскал, – смеясь, сказал Саян.

– Если б ты был коровой, я бы оседлал тебя и катался на тебе!

– А стоит мне брыкнуться, ты завопил бы «Бабушка-а!» и слетел на землю.

– Если бы я слетел на землю, то хлестал бы тебя плетью и загнал до потери пульса.

– Я бы твою плетть подцепил рогами и выбросил подальше.

– Ладно, вижу, не стоит нам превращаться в коров, потому как хороших коров из нас не получится. Будем лучше послушными, прилежными пай-мальчиками и побыстрее найдем Пеструху.

Ночная тьма сгущалась, застыв в безмолвной тишине. Саян с другом вышли из нахмуренной рощи и пришли к оврагу, где от запаха тихо журчащей речки доносилась свежесть прохлады, и молча застыли, прислушиваясь к громкому стрекоту кузнечиков. Ничего подозрительного не чувствовалось.

– Кстати, почему это место называется Куйгенжар – Сгоревшее ущелье?

– Говорят, раньше это ущелье использовалось в качестве загона для скота. Точно не знаю. Были люди, кто видел тут скопища змей. Чтобы прогнать их, устроили тут пожар, как рассказывают.

– Может, и правда. Тогда ведь кочевали, понятно, что так и было.

– Тсс, потише. – Адильбек схватил Саяна за локоть. – Слышал? Какой-то странный звук.

– Слышал. Но это не здесь, далеко отсюда. Погаси фонарик.

– Что это за звук... и где он раздается?

– Не знаю.

– Пойдем, пройдемся вверх. Это, кажется, в верхней части Куйгенжара.

– А мне слышится, будто кто-то давится или задыхается... какой-то глухой, стонущий звук.

– И мне так показалось.

– Может, это Пеструха надела на голову мешок и теперь стоит и мычит, не зная, в какую сторону двигаться?

– Какой еще мешок? – засмеялся Адильбек.

Два друга прошли еще некоторое расстояние, двигаясь вдоль восточной стороны глубокого, тянущегося вдаль ущелья, по низу нависающих над яром пугающе огромных скал, в темноте похожих на цепочку громадных пустых домостроев. Вдруг вновь услышали давящееся коровье мычанье.

– Саян, погоди-ка. Голос, кажется, раздается теперь где-то позади.

– И мне так показалось. Надо вернуться назад. Да, может включить фонарик?

– Может испугаться и убежать.

– Если увидим, что она убегает, то это же хорошо! Будем гнаться по очереди и поймем как-нибудь. Но сначала надо найти ее. – Они стали молча вслушиваться в ночную тишину, пока им обоим это занятие не наскучило. Вокруг беспросветная тьма, нависающая над самой головой. А в трещинах, в щелях мрачных, заколеченных над оврагом скалистых громад могут ведь и волки прятаться. Парни, скрывая друг от друга охвативший их страх, стали разговаривать намеренно громко.

– Это ведь не Пеструхи мычанье? – спросил Адильбек.

– Это и надо нам выяснить.

Чутко вслушиваясь в окружающую тишину и внимательно вглядываясь

вглубь ночной темени, они зашагали вперед, сторожко огибая оглаживающие штанины брюк листья осоки, редкие стебли лакричника, заросли молочая, устало приникшие к земле. Чувствовали себя так, будто в этом бездонно-бесконечном омуте прохладных сумерек остались одни, и старались побыстрее выбраться из него. Их встревоженное состояние было вновь нарушено чьим-то мычанием.

– Надо же, мы вновь прошли, – Адильбек тихо ударил ладонями.

– Тшш, тихо. – Саян выключил фонарь и прислушался. – Стоит прислушаться, как перестает подавать голос. А то бы быстрее нашли.

– Может, она залегла вон в тех густых зарослях чия? – Адильбек указал пальцем в сторону ошетилившихся кустов с белесыми и редкими метелками у самой стенки оврага.

– Почему корова отделилась от стада? Она не стала бы просто так лежать в ущелье, если только кто-то не заманил ее кормом. Могла провалиться в какую-нибудь яму. Не стельная, чтобы отелиться и остаться тут, – стал рассуждать Саян, показывая, что неплохо разбирается в повадках домашнего скота. Снова включил фонарик. – Тут были какие-нибудь большие ямы?

– Не-ет, какие ямы?! Мы иногда проходим здесь после игр. Никакой ямы, чтобы в нее корова могла провалиться, тут я не видел.

– И я не видел. Тогда откуда же раздается ее мычание? Ладно, пойдем, посмотрим на ту вон чернеющую копну.

Направив вперед скользкий луч фонарика и последовав за ним, два друга быстро оказались у кучно растущих зарослей молочая. Похоже, что буйно разросшиеся кустики этой ядовитой травы, притаившиеся в тенистых объятиях аспидного царства ночи, надежно спрятали в своих чашобах все свои тайны и коварства. Ребята несколько раз обошли кустарники, напрягая зрение и зорко вглядываясь в почву вокруг кустов, но никаких следов буренки не обнаружили.

– Если бы сюда сунулась корова, то хоть какие-то стебельки трав были бы сломаны или растоптаны, разве не так? – сказал Алибек, но с этим его сообщением Саян не согласился.

– Молочай – это такая трава, которая легко не ломается, она может согнуться, может согнуться до земли, а потом снова выпрямиться. Даже если на нее наступит верблюд, не то что корова.

– Ладно, тогда пойдем, пройдемся внутри.

Исходили вдоль и поперек густые заросли, старательно подсвечивая ближние окрестности проворно-послушными лучами ручного фонарика, но не увидели ни самой буренки, ни даже сломанного стебелька травы. Высокие кусты молочая, легко дотягивающиеся до плеч мальчишек, вовсе не хотели отпускать ребят восвояси – то и дело хватко сплетались они между собой, превращаясь в дремучую чашобу и преграждая ребятам путь вперед и надежно скрывая пройденные ими тропинки. Но сдерживать шаги решительно настроенных ребят кустарники не могли и оставались позади, провожая цепкими взглядами уходящих.

– Похоже на то, что они обижены и сердятся на нас, да? – улыбнулся Адильбек.

– И вправду. На кого еще, кроме нас, они могут обидеться?!

Корова замычала вновь, словно почуяв, что ее кто-то ищет. Только недавно ее мычание раздавалось то спереди, то сзади них, а теперь доносилось сбоку, с неведомой точки среди плотных рядов скальных образований, плечом к плечу зависающих над обрывом.

– Мне кажется, где-то у яра есть провал, которого мы не знаем. Пеструшка угодила туда ненароком и всё мычит, не зная, как выбраться. Кажется, почувствовала, что недалеко люди, и жалобно просит помощи.

Адилъбек кивнул:

– Я тоже об этом думал.

– Ну, пошли тогда.

Решительно последовав за юрким лучом фонарика, друзья, не чуя ног, добрались до обрыва и, рассекая темень скольльзящим светом, внимательно, во все глаза обшарили каждый метр высокого яра. Ничего инородного, постороннего, что могло бы задержать взгляд, не наблюдается. Там и сям зияют небольшие ямки. Сплошные привычные взгляду углубления – вороньи гнезда. Попались на глаза и несколько пучеглазых летучих мышей, тесно, распластав крылья, прижавшихся к скалам.

– Возьмем птенцов вороны? – Адилъбек указал подбородком на гнезда.

– Ой, да брось. Что за игры глухой ночью? Надо быстрее найти Пеструшку да и домой.

– Последний раз мычание донеслось отсюда вроде... – несмело предположил Адилъбек.

– И куда она делась? – Саян удивленно пожал плечами.

Снова донеслось коровье мычание. Звук раздался откуда-то из невидимого, спрятанного от взора закутка скалы. Но как корова могла залезть в узкие щели расположенных впритык, с торчащими ребрами скальных образований? Да и что тут есть такого, что могло привлечь Пеструшку? Кроме всего прочего, тут нет прощелин или пещер, куда может влезть корова. Верткий луч фонарика усердно скользит по высоким стенам огромных, с многоэтажный дом, скалистых глыб сверху вниз и снизу вверх. Ничего стоящего внимания. Рядом с одной нависшей над обрывом громадой другая, за ней следующая... Так и следуют рядами. Что интересно, некоторые из них явно выбиваются из общего строя и не выстроены в шеренгу. Они расположены полукругом и выглядят устрашающе, словно готовы поглотить в себя любого, кто приблизится к ним. А с западной стороны – разверстая щель, напоминающая открытые настежь огромные ворота.

– Пойдем-ка, осмотрим вон то место, – сказал Саян, указывая подбородком на пустующее пространство промеж двух скал.

– Да, меня оно тоже заинтересовало, – быстро согласился Адилъбек.

Стена торчащей наискось скалы оказалась в тени другой скалы, выдвинутой вперед. Издали эти две горные породы смотрелись одним целым – сплошной стеной – и никакого зазора между ними не было видно. Подойдя поближе, они заметили: в месте их сближения темнела широкая дыра, сквозь которую спокойно мог пройти человек на верблюде, а за нею – зияющая пасть темного, огромного проема. За проемом вдоль ущелья тянулась вдаль глубокая лощина, и было видно, как через десяток шагов она резко поворачивала вправо. Возможно, лощина упиралась в овраг.

– Мы же много раз проходили здесь, как могли не заметить это место?! – шепнул Адилъбек, опасно глядя вперед.

– И вправду, – Саян тоже говорил тихо, сохраняя осторожность. – Но нам интересно не это. Мне кажется, тут есть какая-то тайна.

– Да, в этом закутке есть где спрятать ворованный скот.

Вдруг они оба вздрогнули от громкого рева, раздавшегося прямо у них над ухом. Звук разнесся эхом по скалам, разбегаясь волнами. Совсем недавно мык коровы не был столь устрашающе громким, похоже, буренка почувствовала, что люди рядом, и замычала натужно, изо всей мощи. Да, это было мычание той самой коровы, ничего другого. Но перед взорами ребят никакого скота не было.

Они встали рядом, боясь дохнуть. Откуда раздался этот неимоверно громкий вопль? И почему разносится эхом прямо над их головами?

Раздался едва слышимый шепот Адилъбека:

– Что это за чудо, а?

– Не знаю. Никогда в жизни не слышал ничего похожего. Это же корова мычит, да?

– Аха.

Не успели они опомниться, как чудовищное мычание повторилось. Раздалось оно еще более громко и ужасающе, чем в первый раз, заставив содрогнуться и ложбину, и оставшийся позади огромный утес, и тянущиеся рядами ребристые скалы. Ужасное эхо, которое то ли гналось за кем-то во тьме, то ли убегало от кого-то в лихорадочном состоянии, было чем-то невообразимо странным. Ничего подобного друзьям слышать до сих пор не приходилось. Испуганная корова, кажется, подавала какие-то загадочные знаки своим тяжелым мыком. Она зовет на помощь или пытается напугать, чтоб не приближались к ней?

– Может, это черти? – Адильбек ткнул Саяна в бок и шепнул ему на ухо. – Кто, кроме нечистой силы, может быть в глухую ночь посреди пустынных скал?..

– Какие нечистые силы? Они только в сказках. Если это на самом деле черти, то какие у них голоса? Они что, мычат как коровы?

– Бабушка мне говорила, когда я был маленьким: черт похож на козу, один в один. Иногда блеет, иногда говорит человеческим голосом.

– Ну, этот голос не похож на козий.

– Вот и я не могу понять. Может, те черти, о которых бабушка говорила мне, когда я был еще маленьким, разрослись до размера коров из-за действия радиации? Если так, то чёрт может нас забодать насмерть или просто растоптать... Страшно, да же?!

– Значит, это чёрт мычит как корова?! Не может быть.

– Тогда что?

– Если черти так мычат, то они размером с корову или быка должны быть, так ведь?

– Вот и я не могу ничего сообразить.

– Говорили, что у чёрта бывают рога, как у козла. – Адильбек старался говорить спокойно, но скрыть страх не удавалось.

– Но это голос не козы и не козла, а коровы, – уверенно сказал Саян, стараясь унять волнение друга.

– Может, это див?

– Какой еще див? Они все только в сказках. А это какой-то непонятный феномен. Почему этот звук раздается прямо под ухом?!

– А это у нас от страха в ушах зазвенело...

– Потуши фонарик, посмотрим, что будет.

Едва воцарилась крошечная тьма, как рев повторился с такой чудовищной силой, что двое похолодели от страха; ущелье отозвалось душераздирающим эхом, всё вокруг задрезжалось, а скалы, содрогнувшись и заскрипев, готовы были обвалиться.

– Бежим!.. – шепнул Адильбек, дрожа от страха.

– Что толку бежать, если... – Саян, не зная, что сказать, замолчал, будто проглотил слова. – Что это за чудо-юдо с коровьим голосом?

– Может, будет землетрясение? Говорят, перед большим землетрясением раздается то ли гул, то ли гуденье, в общем, какой-то страшный шум из-под земли...

– Вполне возможно.

Следуя за юрким лучиком фонаря, они обшарили всё вокруг, куда доставали взглядом. Еще раз убедились, что верховье узкой ложины, растянувшейся вдоль оврага, теряется в глухом объятии бездонно-темной ночи, а ближний конец уходит к обрыву и, резко повернув вправо, теряется из виду.

– Надо рискнуть и дойти до того изгиба. Потом обследуем распадок и вернемся домой.

– Хорошо. – Адильбек пошел впереди.

Стараясь незаметно унять гулкое биение своих сердец, они зашагали быстрее, демонстрируя уверенность, но были предельно осторожны. Что хорошо, теперь, кроме стрекота кузнечиков, никаких других звуков не раздавалось. Тот страшный звук словно проглотила земля. Но боязнь того, что некое чудовище может тихо подобраться сзади и накинуться на них, всё еще трепыхалась у обоих внутри.

– Саян, ты почаще оглядывайся назад, – попросил Адильбек, ступая всё осторожнее.

Стали виднеться промытые дождем рытвины и ямы. Узкая лощина, часто плутая, в конце концов уткнулась в утонувшую в беспросветной ночной тьме полянку. Они оба не раз слышали, что среди рыхлых зарослей колосняка, густо покрытых ворсинками, плотных стеблей лакричника со светло-фиолетовыми цветами, прибрежницы со стелющимися по земле побегам и приподнимающимися невысоко стеблями, нередко встречаются скопища змей. И кто может поручиться, что в тени отвесных утесов или в извивистых скальных трещинах и провалах не затаились шакалы, поджидая своих беспечных жертв? Или дикий кабан, прилежший подремать в каком-нибудь закутке у обрыва, вдруг не выскочит из своей опочивальни да не кинется на них? А ведь и многообразные ползучие гады, к примеру, скорпионы с острыми клешнями и загнутыми вверх хвостами, которых немало в оврагах возле рек, представляют немалую опасность, а два друга идут по ним, то перешагивая через них, то ступая прямо по их членистым конечностям. При такой ходьбе эти гады легко могут залезть под штанины брюк. Поэтому ребята вынуждены осторожничать, хорошо понимая, что укусы иных скорпионов весьма опасны.

Грозно нависшие со всех сторон громоздкие утесы – это невообразимо жуткий и опасный мир. Как они могли не заметить этот закоулок, больше похожий на потаенный мир ужасов, который и находится-то совсем рядом с аулом?! Когда они с ребятами гоняют мяч на лужайке урочища Сайтабан, то обычно не обращают внимания на маячащие над оврагом скалистые образования. А ночью они выглядят, оказывается, куда как внушительнее и свирепее обычного. Вот и сейчас они смотрели сверху устрашающе грозно, словно батыры, готовые вступить в схватку с заклятыми врагами и, не желая никого подпускать к себе близко, застыли в немой, угрожающе надменной позе. Во всей атмосфере таинственного ночного мирка сквозило коварное затишье, вызывая в душах друзей тихий трепет.

– Саян, ты еще раз оглянись назад, да повнимательнее. А я буду смотреть вперед.

– Я и без твоих напоминаний поглядываю.

Подошли к еще одному распадку ущелья. Здесь лощина сворачивала направо и, немного углубившись внутрь скальной породы и обогнув ее, сливалась с зияющей впадиной, а затем, удаляясь, утончалась и расходилась на русла. Вон, на том берегу впадины – еще одна тупиковая прогалина.

Острые лучи фонарика, рассекая темное царство ночи, оживили множество длинных вертлявых теней, которые, выползая изо всех щелей, то появлялись перед глазами в устрашающих позах, то, нависая над самой головой, вдруг исчезали под ногами, чтобы вынырнуть за спиной или далеко впереди. Но, похоже, эти нелепые движения им уже надоели до чертиков и, ускорив темп, они стали то качаться из стороны в сторону, вперед и назад, то мелькать перед глазами, словно готовились напасть. Адильбек устремился вперед. Сделал пару десятков шагов. Но и эти шаги показались им обоим слишком долгими.

Неизвестность всегда порождает волнение. Особенно когда не знаешь, чего ждать от следующих мгновений. Кто знает, какая напасть может обрушиться на тебя: вор ли, нечаянно оказавшись пред тобой, нападет на тебя, волк ли выскочит из глухого уголка и накинется, оскалив зубы, дикий ли кабан в бешенстве набросится, обнажив смертельно острые клыки, змеи ли свернутся вокруг ног холодным извивистым телом, или покусает барсук, разозленный из-за нарушенного его покоя, а может, ядовитые скорпионы, которых тьма в волглых ущельях, выстрелят в тебя смертельным ядом – бог знает, которая из этих опасностей «осчастливит» тебя!

Нервы ребят взвинчены до крайности и готовы разорваться от тягостного напряжения, словно чересчур натянутая изумлением струна домбры.

Вдруг Адильбек громко расхохотался. Саян вздрогнул от неожиданности, показалось, что внезапный смех разбил вдребезги бархатно-черную, остекленело застывшую ночную тишь.

Вот те раз!.. Чего это его друг вдруг потерял рассудок, что такого смешного ему привиделось? Адильбек продолжал хохотать, то откинув назад голову, то согнувшись и держась за живот. Негаданно, с бухты-баряхты заливающийся смехом человек не может не вызывать изумления, и в особенности – если он надрывает животик посреди глухой ночи, а в темноте трясется всё его тело и шевелятся волосы!.. Дергалась даже его тень, жутко колыхаясь под сизым лунным освещением.

– Эй, Адильбек, Адильбек, что с тобой? – Саян схватил друга за плечи и стал сильно встряхивать его.

Вместо ответа Адильбек продолжал давиться от смеха. У Саяна волосы дыбом встали. Что это с ним вдруг приключилось? Только что он попросил у Саяна фонарик, но, взяв его в руки, не стал ничего освещать им, а быстро выключил. Почему? Говорят, что беспричинный смех может быть последствием дурного влияния нечистой силы – неужели с другом случилась такая беда? Но в темноте глубокой ночи искать ответы на эти сложные вопросы было некогда, и Саян только тряс друга, вопрошая: «Адильбек, Адильбек, что с тобой? Что с тобой случилось, Адильбек?»

– Ой, Саян, прекрати дергать за плечи, больно! – вымолвил Адильбек, с трудом одолев обуявший его смех. – Лучше погляди вон туда. На, зажги сам фонарик. Вон! Видишь?

Самое смешное оказалось впереди. На самом дне лощины, углубленной в сторону реки, стояла их пестрая буренка. Они ошибались, когда думали, что лощина будет постепенно уходить в глубину. Всё оказалось наоборот. Овраг немного уходит вниз, потом слегка повышается. Зато оба берега стремительно поднимались и становились круче. А из-за густой ночной темноты создавалось впечатление, что лощина уходит в глубину.

Кто-то крепко обмотал тонкой алюминиевой проволокой рога коровы. Один конец проволоки закрепил на железном кольшке.

– Вот тебе на! Кто же это сделал? – Пораженный Адильбек попытался вырвать кольшек одной рукой, но быстро понял, что это ему не удастся и, не выключая фонарика, положил его поверх куста лакричника. – Идем, надо дернуть вдвоем, а то моих силенок тут явно не хватает. – Они навалились на пару и, раскачивая в одну и другую сторону железный прут толщиной с большой палец взрослого мужчины, в конце концов с трудом вытащили его.

– Ин-те-рес-но!.. Кто же это привязал сюда нашу Пеструшку?!

– По мне, кто-то хотел украсть ее и припрятал тут на время, – сказал Адильбек, недолго подумав.

– Похоже на то. Иначе зачем надо было провести ее сквозь ту узкую щель и привязать на этот кольшек.

– Охо, Саян, погляди сюда! – Адильбек направил свет в сторону железного колышка. На засохшем солончаковом грунте отпечатались следы невероятно большого размера. Никто из них до сих пор не видел такого размера следов. Оттиск подошвы огромного сапога. Адильбек передал железный кол Саяну.

– На, поддержи-ка. Я измеряю этот след.

След от сапога оказался в три с половиной пяди в длину, в половину пяди в ширину.

– Что за громадина-сапоги! Разве у нас в ауле есть кто-то, кто носит такого громадного размера обувь?

Саян дернул плечом. Он и сам искал ответа на этот вопрос. Друзья долго ломали голову, но так и не пришли к удовлетворительному выводу. Ясно одно – в ауле у них нет никого, кому бы такие сапоги были по размеру. И что еще интересно – похоже было на то, что на подошве сапога была продолговатая подковка в виде полумесяца. Отпечаток подковки врезался в грунт глубже и выделялся больше. Рядом с отпечатком подошвы сапога – следы копыт лошади.

– Выходит, кто-то на коне загнал сюда Пеструшку и привязал тут, да, Саян?

– Думаю, что так и было. Дело рук скотокрада.

– Иначе откуда бы тут нашлась готовая проволока и железный кол?..

– Адильбек, давай мы с тобой кое-что предпримем.

– Что?

– Сейчас скажу, потерпи немного. – Саян стал забивать колышек обратно на место, это оказалось не так уж легко, пришлось приложить определенные усилия ногами, чтобы загнать его на прежнюю глубину. – Поступим так. Сейчас мы с тобой залезем на верх этого яра. Но придется пробираться в окружную, прямо отсюда не взберемся. Я предполагаю, что корову кто-то скрытно загнал сюда, втихую подгоняя на лошади, и привязал здесь. Затем он будет искать машину, конечно. Собрался подъехать тайком посреди ночи или прямо сейчас. Хочет вывести ее на поводу и погрузить на машину. На лошади далеко не уедет. Кто-то может заметить. Если милиция серьезно возьмется за дело, она может пустить по следу лошади собаку-ищейку. А машина выедет на асфальтовую дорогу, и попробуй найди ее потом.

– Значит, будем ждать и наблюдать?

– Да, нужно увидеть номер машины.

– А что с коровой делать?

– Узнаем, на какую машину ее погрузили, и сообщим куда следует.

– Правильно. А то эти преступники могут нас двоих порешить тут, в глухом месте. Преступник-то будет не один наверняка, по крайней мере с водителем их будет двое...

– А вдруг они подъедут, пока мы тут сидим? Что тогда будем делать?

– Убежим.

– До аула километра два. А если поймают?

– Будем орать и звать на помощь.

– Ты будешь первым орать?

– Могу тебе уступить это право.

– Нет, у тебя голос помощнее. Начнешь ты.

– Если так и будем спорить, можем не успеть даже вскрикнуть. Так что договоримся так – как только я раскрою рот, раскрой и ты. Махну рукой и заорем вместе, хорошо?

– Согласен.

Вдруг раздался протяжный, пробирающий до дрожи голос, от которого едва не содрогнулась земля. Оторопевшие друзья одновременно раскрыли

рты, но ни один из них не успел вскрикнуть. Этот страшный вопль они слышали и раньше, совсем недавно. Тот самый голос!.. Снова истошно мычала корова!

Саян схватил друга за локоть:

– Пошли, уходим!

Они стали возвращаться назад, находя обратную дорогу по наитию. Сердца их стучали барабанной дробью, но ни один не хотел признаваться в этом. С большим трудом взобрались на вершину высокого яра, карабкаясь по косогору на другой стороне скалы.

– Как нас испугала Пеструха, а?! – тихо сказал Саян, давясь смехом. – Ты понял, почему мычащий голос раздавался прямо под ухом?

– Конечно, понял. Корова-то и на самом деле стояла у нас под ухом. Только нас разделяли с одной стороны крутой склон обрыва, а с другой – отвесная стена высокой скалы.

– Как будто кто-то специально заготовил такое место, да?!

– Из-за частых дождей грунт потихоньку размякает. Затем, наверное, появляются трещины, и они постепенно расширяются, образуя несколько скал меньшего размера вместо одного большого.

– О, молодец. Ты настоящий знаток географии, почти как я.

– Наоборот, это ты похож на меня.

– Хорошо, раз ты такой знаток всего, скажи, кто мог украсть корову?

– Разве ты сам не знаешь?

Саян поневоле удивился:

– А ты что, что-то знаешь?!

– О-о, я же настоящий всезнайка. И знаю намного больше, чем «что-то».

– Так говори скорее, не придуривайся. Пока не явился вор.

– Думаю, что вор не откуда-то издалека, а из нашего аула.

– Понимаю, почему ты так думаешь. Хочешь сказать, что чужак не знал бы таких подробностей этих мест.

– Да, так и есть. Ты, оказывается, такой же знаток, как и я. Угадываешь мои мысли на лету.

– Но и чужак-вор мог прийти сюда и заранее разведать?! Как бы он решился на преступление, не зная, куда станет прятать корову?!

– Да-а, и такой вариант возможен.

– Но откуда бы он ни был, он скотовод или человек, хорошо знакомый с животноводством.

– Почему ты так думаешь?

– По одной простой причине: как бы хорошо вор ни знал подробности местности, отделить от стада корову задача не из легких.

– А если корова сама отделилась от стада?

– Даже если корова сама отстала от стада, она последует за другими коровами, как только увидит, что стадо уходит, если это здоровое животное. А наша Пеструшка не болеет. Но, конечно, на выпасе корова может несколько отстать от других. Возможно, вор на коне тайком следил за стадом, и когда пастух ушел подальше, мог завернуть корову в эту сторону. А возможно, их было двое. Один мог отвлечь пастуха разговорами, а второй загнал Пеструшку вот в эти места.

– Адильбек, ты прям настоящий Шерлок Холмс!

– Если бы не читал много книг, не смог бы стать похожим на него, – Адильбек довольно рассмеялся. – А теперь прекратим разговоры. Вор может почуять наше присутствие и отказаться от своего намерения забирать корову.

– Вряд ли скотокрад испугается нас, пацанов. Ладно, давай затаим дыхание и будем тихонько ждать.

Но тихонько ждать не давали назойливо жужжащие комары, непрестанно покалывая их острыми шилами. Ребята отбивались от них как могли, больно шлепая себя по самым разным местам, и в душе были недовольны тем, что вору запаздывали, хотя те, конечно, никакого обещания им не давали и время встречи не назначали. Пестрая буренка пару-тройку раз промычала с горестной жалобой на судьбу, но ребята даже не шелохнулись.

– Адильбек, мы, похоже, зря сидим. Может, это кто-то из друзей-товарищей отца подшутил над ним и специально привязал Пеструху тут, чтобы попугать отца и посмеяться над ним.

– Интересный ты какой!.. – Адильбек замотал головой, выражая несогласие с таким предположением. – По-твоему, друзьям твоего отца больше нечего делать, как только по ночам ради смеха красть корову и прятать ее в такой дали, как ущелье Куйгенжар?! А кто их собственных коров будет домой гнать? Потерпим еще немного. Если никто не явится, поведем Пеструшку домой.

Они надолго замолчали. Вдруг раздалось фырканье лошади поблизости от коровы. Адильбек быстро прикрыл Саяну рот ладонью, чтобы случайно не подал звука. Саян тотчас достал из кармана две гайки, два болта и спички. Адильбек тут же догадался, что задумал его друг, и показал большой палец – похвалил: «Молодец!»

Саян стал соскабливать серу с головок спичек и аккуратно заполнять ими каждую резьбу болта. Всё так же молча протянул ладонь. Адильбек, сразу поняв, что от него хочет друг, достал из кармана брюк давешний свисток и протянул ему. И хотя Саян не делился тем, что задумал, Адильбек быстро распознал намерение и молча, согласно кивая головой, поддержал его.

Дело в том, что вор приехал не на машине, а на лошади. Если он погонит корову перед собой, ребята его не догонят. Поэтому лучше его прогнать, испугав чем-то. Криками запугать не получится – пустая затея. А если злоумышленник с невероятным размером ноги разгадает по голосу, что они мальчишки, он, конечно, или убьет их, или привяжет где-нибудь. А если привязать им ноги-руки, то до утра неутомные комары растерзают их до смерти. Надо по-другому действовать.

Саян в раздумье. Потянувшись вперед, всмотрелся буравящим взглядом в глухую неподвижную тьму ночи, но ничего не увидел. Зато почувствовал, как человек внизу пыхтел и кряхтел, пытаясь развязать завязанным им самим проволочный узел. Нужно действовать быстро, иначе вор ускользнет от них.

Саян вернул свисток Адильбеку, а потушенный фонарь взял себе в руки. Затем, слегка прижав друга, подал ему знак. Немедленно раздались визгливые, режущие уши звуки свистка, пронизывая ночное пространство резкими руладами. Тут же раздался громкий звук от удара двух железных болтов друг о друга, а вслед за этим брызги огненно-красных искр разорвали тьму.

О чудо! Дробь копыт коня тут же раздалась по другую сторону яра – ребята были немало удивлены и обрадованы.

– Как он быстро драпанул из ущелья, а?! – удивился Адильбек, вставая с места.

– Значит, часто тут бывает или заранее изучил местность, прежде чем решиться на кражу скота.

– Спасибо хоть буренку с собой не увел.

Саян рассмеялся:

– Ха-ха-ха, будем благодарить вора?

– А что делать?

Они спустились вниз и увидели, что проволока, крепко завязанная на рогах коровы, была почти уже размотана. Нельзя было не удивиться тому, как

пустро всадник на коне выскочил из такой теснины. Они оба теперь не сомневались, что вор был весьма опытным преступником.

– Домашним всё расскажем? – спросил Адильбек, когда они выбрались из ущелья, погоняя корову перед собой.

– А если заругают нас за то, что не связались с ними сразу? К тому же, когда узнают, что мы не смогли задержать вора и даже не смогли установить его личность... дедушка вряд ли меня возьмет с собой на жайляу.

– Ай, ладно, пока ничего не будем говорить.

Вот так заветной ночью Саян и Адильбек спасли буренку, которую Шахан против воли хозяев присоединил было к скоту фермы в качестве возмещения, обвинив Акимжана в гибели пегой коровы совхоза, утонувшей в болоте Батпаккары.

Глава VI

Секретное поручение. Глухая ночь. Человек-волк. Таинственный плач ребенка в воздушном пространстве.

У одинокого всадника, сторожко скачущего в беспросветную ночь по безлюдной степи, слух весьма напряжен и чутко ловит каждый шорох. По голой, сумрачно-сизой равнине время от времени проносятся с грохочущим топотом стада сайгаков, тревожа степь; никаких других признаков жизни будто бы и нет.

Неведомый никому и сторонящийся людского внимания таинственный всадник слегка одернул поводья, и лошадь под ним затрусил мелкой рысью по мерцающему звездами простору ночной степи. Пронизывающие насквозь сплошную глухую темень зоркие глаза всадника пока еще ничего подозрительного не заметили. Что едет он в верном направлении, в том сомнения нет. А значит, сегодня последняя, решающая ночь.

Стоило ему подумать об этом, как он сразу же почувствовал жар в груди и распахнул рубаху. Ночной прохладный воздух, ударивший в грудь свежими струями, охладить пламя внутри, однако, не смог, и всадник, содрав с себя серую, в темных клетках рубашку, надетую им ради того, чтобы не бросаться в глаза, засунул ее поглубже в правый угол холщового коржуна. Безымянный всадник, чье огромное тело и короткие черные волосы, словно прокопченные на угле, темнеют в дымчатых сумерках, носится по дремотной ночи, выискивая или выслеживая кого-то или что-то, и по угрюмому виду его, насуспенным бровям можно не сомневаться: встретя сейчас кто-то ему на пути – вырвет из него душу голой рукой. Благо, ни единой живой души по пути он не встретил и, осознав свое жаждущее крови состояние, вдруг зло усмехнулся. Да, последняя ночь, решающая ночь. Задание нужно выполнить именно сегодня, в беспросветно глухую ночь. Таково задание.

Вдруг он, точно что-то вспомнив, постепенно натягивая поводья, замедлил бег коня. Вскоре и вовсе его остановил. Условное место было совсем рядом. Со вчерашнего дня он стремился к нему, сегодня, возможно, всё будет наконец решено. Соскочив с коня, запустил руку вглубь большого, никак не меньше иных мешков, темно-серого коржуна и достал толстую, туго скрученную кошму. Взвесив на руках, отвязал джутовый шпагат, которым была обмотана кошма, и, отодрав от кошмы сколько было нужно, оставшуюся часть запихнул обратно в коржун. Затем дважды обмотал стремя кошмой, начиная с отверстия ремня для путлища. Проверил, нанося удары жестяной головкой кнута поверх второго слоя кошмы. Раздались гулкие звуки, но звенящего, отрывистого лязга стремени уже не было. Всадник боялся, что в ночной тишине звон может эхом раздаться далеко.

Точно так же он дважды обвязал войлоком и второе стремя и, решившись на риск, поудобнее взялся за поводья. Только...

Да, дай бог удачи! Совсем скоро он должным образом выполнит порученное задание повелителя. А коли он с честью справится с заданием, то и повелитель должен сдерживать свое слово. Если же вдруг он откажется от своего обещания, то – каждый получит по заслугам... Жизнь-то у всех одна. В том числе и у повелителя...

И вправду, это уже не обычный начальник, он становился настоящим повелителем. А раз уж ты попал от кого-то в зависимость, значит, стал его рабом. Потому как зависимость и есть рабство. Уязвленный этой мыслью, ночной всадник со злостью закричал зубами. «Но не тот я человек, чтобы стать твоим рабом, и хитрости твоей я не поддамся», – произнес он про себя, всё больше углубляясь в ночную бездну.

«Выполни это задание любым способом, – поручал ему его начальник-повелитель. – Запомни, судьба нас обоих зависит от тебя. Если в этот раз ты без страха и упрека исполнишь порученное, значит, ветер удачи задует в наши паруса. Не говорю, чтобы ты убил человека, достаточно будет, если исполнишь всё так, как я сказал, да чтобы ни одна живая душа не прознала».

«Ох, душегуб, я-то полагал, что он хочет мне добро сделать... Знать бы мне, что ты задумал гнусное дело, – подумал он тогда, нахмурившись, но не подав виду. Слова начальника выслушал молча, не давая воли чувствам, хоть и оскорбили они его самолюбие до боли, и сердце заныло от тяжелого предчувствия. – Вот ведь какие люди бывают, что замышляют такие мерзости...»

«Не поспишь всего ночь и всё сделаешь. Я знаю, долг платежом красен. Я бы и сам всё провернул. Но каждое утро ни свет ни заря я должен быть в кабинете у директора. Не успею вернуться ко времени. Но в конце концов, мы с тобою теперь в одной лодке, а значит, и судьба у нас одна. Думаю, такой молодец, как ты, и не с таким делом управится», – сказал тогда начальник.

И что вышло?! Он-то приступил к делу с горячей решимостью, готовый всё устроить в первый же раз. Но в решающий момент не отважился. Всё сложилось совершенно иначе, чем было задумано.

«Ты не торопись и не волнуйся, оглянись назад и убедись, что всё сделал честь по чести, – всё поучал его начальник. – И помни. Мы с тобой связаны теперь одной пуповиной. Если надо мной сгустятся тучи, то и ты не сможешь беспечно наслаждаться жизнью. Поэтому ты должен мне помочь. Ты обязан отплатить добром за добро. Я обеспечил тебя жильем и скотом, устроил на работу. Если станут преследовать меня, то и ты лишишься всего. Думаю, я еще не раз пригожусь тебе. Кто знает, что ждет каждого из нас в будущем... В конце концов, это поручение в каком-то смысле преследует и твои интересы? Разве не так?»

«Интересно, – размышлял он тогда. – Разве здесь, в ауле, в этих местах, нет у него никого из близких людей, родичей? Раз он с кем-то повздорил или затаил зло, почему бы ему не обратиться за помощью к своим? Или он сомневается в их способности провернуть дело – не в пример мне – или же хочет подтолкнуть меня на преступление? Может, он не в ладах со своими родственниками? Сейчас ведь и близкие люди могут отвернуться, если не видят от тебя выгоды... Представляет дело так, будто хочет мне помочь, а на самом деле преследует шкурные интересы. Да и что могу я ему дать? Хотя, выполняя подобного рода поручения в качестве мальчишка на побегушках, я, получается, рассчитываюсь за его “заботы” обо мне. Что еще может быть? Или, может, учел то, что в свое время, оказавшись в безвыходно тяжелом положении, мы были вынуждены выполнить его просьбу?»

«С честью выполнишь поручение, – сказал ведь тогда начальник-повелитель, – считай, что обретишь и почет, и личную выгоду. Но есть одно препятствие. Оно-то и может у нас застрять в горле как кость. И это препятствие, то есть этот человек, может погубить нас обоих, коли не уберем его с пути. Я достаточно изучил этого человека. Упрям, как осел, норовист, как конь необъезженный. Мало того, нахален: ты ему слово, а он в ответ два. И хоть кол на голове теши, от своего не отступит. Упрется рогом, и ничего ты с ним не сделаешь. Этого придурка только могила исправит. И сейчас он готов на всё. Если выкрутится на этот раз, доведет меня до районной милиции, до самой прокуратуры, тут сомнения нет. А там, где окажусь я, будешь и ты. А если уж оказался под следствием, то из тисков этих демонов-дознателей не вырваться – это всё равно что вернуться живым из преисподней. А значит, мы должны принять меры против этого придурка. Единственный способ – убрать его с нашего пути. Спрашиваешь: “Убивать будем?” Не надо иронизировать. Упаси боже, конечно, это было бы чересчур большим... перегибом...»

При этих словах начальник вдруг ни с того ни с сего тяжело задышал, и без того узкие зрачки его сузились предельно. Его телячий нос, с короткой, словно откромсанной сапкой – самоочевидный признак человека безрассудно напористого, когда дело касается выгоды, неотступного в старании блюсти собственные интересы, но недалекого, лишённого напрочь глубоких чувств – был ему весьма неприятен, даже отвратителен, но он сумел скрыть свои чувства и выслушал повелителя до конца.

«Если выполнишь мое поручение, то, пусть даже никто из них не пострадает, зато лишатся скота. Если не получится одно, то исполнится другая наша задумка. И тогда посмотрим, как он будет меня преследовать и выводить на чистую воду. Когда сам утонет по горло в заморочных проблемах! Пусть отлежится за решеткой... поотдувается. Нам и того будет довольно!»

«Пусть это будет первое и последнее поручение такого рода, – жестко сказал он. – Никогда ничем подобным я не марался. Противно...»

«Ладно, ладно, – сказал начальник, – тебе немного осталось достичь высоты. Это – последняя ступень. Пройдешь ее – добьешься своей цели. Потом ведь и деньги, и честь – всё твое будет, чье же еще?! Потом мы будем только холодно здороваться друг с другом, словно не знакомы, посмеиваясь про себя. Договорились? Ну, тогда в добрый путь!»

Он принял его слова без души и ушел хмуρο, в молчаливом роптании. Да, предстоящее дело – последние хлопоты, последнее поручение – конечная ступень! Но от этого задания воротит душу! Обрекать невинных людей на позор и гибель – это неслыханная жестокость, дикость! Кровавая затея! Может, лучше развернуть коня и ускакать восвояси?

Почуявши нерешительность хозяина, разумное животное тут же сбавило шаг и остановилось.

Однако ж, если он откажется, их совместный план пойдет прахом, и в конце концов вместе с начальником-повелителем он и сам может оказаться в местах не столь отдаленных. Об этом-то и не стоит забывать. Выходит, ему уже отступать некуда?!

Пришпорил коня, и тот послушно перешел на легкую рысь. Всадник перестал различать время, не разбирал, сколь долго он ехал и далеко ли ушел – недавние навязчивые мысли вновь и вновь лихорадили его, но вскоре от сморившей дремы он стал впадать в забытие. Всадник уставший, невыспавшийся – в такую жару даже вздремнуть немного с заткнутым за пояс поводом было невозможно. Хоть бы по пути замаячил какой ни на есть торчащий куст – саксаула или джужгуна, можно было бы повесить рубаху на него и отлежаться

немного в тени. Такая бескрайняя степь, и лежит себе попусту – иссохшая, поджаренная под палящим солнцем. В этакой пустынно-голой местности выслеживать кого-то издали, таиться и прятаться, чтобы не обнаружить себя – задача сложная.

Он рассчитывал управиться с заданием еще позавчера, в ночной заезд. Всё так бы, может, и случилось, если б только не помешал некто неизвестный. Откуда ему было знать, что в непроглядную позднюю ночь да в глухой степи ему перейдет дорогу некий неведомый шельмец. Спасибо славному коню незнакомца: если бы чуткое животное не запрядало ушами, учуяв запах чужого, он мог ничего и не почувствовать и сдуру выдать себя. Неизвестный недолго послонялся вокруг на коне и ускакал – наверное, был одним из хозяев, пришедшим проведать лошадей. Но они должны были бы застреножить и этого коня и дать ему попасться и отдохнуть. Кстати, чабанов-то только трое, а значит, и коней должно быть три?! А откуда этот четвертый всадник выискался? Или кто-то пасет его самого? Для чего? Если бы некто действительно выслеживал его, то он должен бы быть осторожным и стараться зря не попадаться на глаза.

Он отошел подальше от того места, остерегаясь, что неизвестный может вернуться, но вскоре пожалел об этом. Хоть и не горел желанием наскоро выполнить задание, тем не менее вернулся через несколько часов разведать обстановку и был ошарашен увиденным. То ли сам неизвестный, кто недавно напугал его, побывал тут раньше него, или кто другой, но кто-то угнал лошадей горемычных чабанов... Какая жалость, что он так и не узнал, кто это был!..

Чабаны оказались выдавшими виды, опытными людьми, дотошными мастерами своего дела – просто удивительно, как они быстро обнаружили пропажу!.. Никуда в сторону не свернули, не растерялись, а, пустив верблюда рысью, пошли точнехонько по следам, словно по раскрытой книге читая их. Весьма быстро нашли то, что искали. Будто ясновидящие какие. Значит, всадник на коне был другой человек. Кто же он? Почему ушел, ничего не предприняв? И почему вернулся и отогнал лошадей в сторону от отары? Может, почувствовал, что находится под слежкой, и вернулся позже, чтобы докончить начатое? «Или начальник поручил ему поглядывать за мной и дал ему то же самое поручение, что и мне? Но если бы он следил за мной, то не должен был приходить раньше меня на место задуманного преступления. Ох, совсем заморочили голову...»

Услышав о том, что кто-то, возможно, пришедший туда раньше, покрутился там, но, ничего не добившись, ушел восвояси, а потом – он ли или кто другой – увел куда-то чабанских лошадей, но хозяева без особого труда обнаружили их, начальник был немало удивлен и даже напуган. «Смотри, чтобы кто-то за тобой самим не охотился. Я никого за тобой не посылал. Не такой я поганец. А ты теперь будь крайне осторожен. Как бы нам не попасть впросяк. Меня на следующий год хотят перевести в другой совхоз директором, если только хозяйство тут будет в порядке. Районный руководитель – мой дальний родственник. Потому-то я из шкуры вон лезу. Если поступит на меня какая-либо жалоба или будут нарекания по работе, то всё пропало. Тогда ничем тебя облагодетельствовать не смогу».

У Тулебая голова пошла кругом. Тот, кто наведался к чабанам и угнал их лошадей, действовал один, или всё же их было двое? Если их двое, то как связаны они между собой? Или тут чистая случайность? Что они делают в безлюдной степи? Почему не увели лошадей совсем, раз уж перегнали в другое место?! Если бы неизвестный знал о том, что я наблюдаю за ним, то вообще

бы близко к лошадям не подходил. Тогда какая же была у него цель? Отогнал лошадей куда подальше да там и оставил – вместо того чтобы увести за собой. Почему? Нашелся кто-то другой, у которого с начальником тоже есть какие-то темные делишки? Если у начальника есть такой угодливый человек, готовый выполнить любые его крамольные поручения и которому он сполна доверяет, – зачем ему был нужен я? Или он пошел на хитрость, почувствовав, что я не в восторге от его затей? По сути, бесхитростный человек вряд ли может рассчитывать на должность директора, а уж в лукавстве начальника сомневаться не приходится. Ладно, как бы там ни было, ясно, что тут где-то собака зарыта. Ну и пусть, рано или поздно любое тайное становится явным... Посерев лицом пуще прежнего от усталости и от раздумий, ночной всадник решил вернуться в аул.

За ним действительно следил некий Незнакомец. Почувствовав, что человек с темно-серым лицом почуял слежку, Незнакомец быстро отступил и притаился. Вскоре, по цокоту копыт чужого коня и повадкам своего поняв, что человек, которого он выслеживал, ускакал в аул, он расслабился, вздохнув широкой грудью.

Теперь уж нет преград. Непроницаемая пучина ночи скоро набросит свой покров на землю и скроет всё. Но в нем кипела злость на чабанов, так скоро обнаруживших пропажу, и он решился еще раз попытать счастья. Вчера не мог к ним приблизиться ни днем ни ночью. А нынешней ночью они – усталые, лишенные покоя – должны дрыхнуть без задних ног.

Значит, именно сегодняшней ночью нужно увести лошадей куда подальше, километров эдак за сорок-пятьдесят. Угнать их всех, дабы полностью присвоить себе, прибрать к рукам будет нелегко, да и опасно, длинные руки милиции достанут его везде, а потому он решил просто отогнать их как можно дальше, главное, чтобы хозяева долго не могли их найти. Пусть потом эти трое безлошадных горемык, плетясь за отарой пешком, попробуют догнать невесть куда пропавших своих лошадок. Приблизительно ясно, что они предпримут. Посадят мальчика на корабль пустыни и отправят в аул, чтобы он известил начальство о сложившемся положении, а сами станут ждать помощи, вольно разлегшись возле отары. Из-за своей безалаберности не перекочевали вовремя, лишились лошадей под собой, овец погубили и, соответственно, «попали под следствие, и, как говорится, нажили проблему на ровном месте». А когда у человека голова идет кругом от неприятностей и он едва не сходит с ума, будет ли у него время или охота ковыряться в чужих грехах? И пусть теперь Акимжан пеняет на себя, раз не прислушался к моему предупреждению: «Не советую тягаться со мной!» Посмотрим, что будет делать сын, когда его отец станет барахтаться в дерьме...

Вдруг откуда-то сбоку замаячил огонек, и конь зафыркал с опаской и дернулся, готовый понестись, однако мощные руки всадника затянули поводья с такой силой, что конь только потопал ногами и присмирел. На видимом расстоянии замелькали в воздухе четыре искорки. Волки! Только два.

«Зачем вам я? – усмехнулся черный, как ночь, Незнакомый. – Соблазнившись мною – погубите себя. Вы простые шакалы. А я нынче – человек-арлан. Настоящий волчара – матерый, свирепый. Подходите, если не боитесь. Посмотрим, кто кого!» Конь под ним вздрогнул всем телом, запрядал ушами, испуганно затряс головой, но всадник стеганул его плетью и направил шагом прямо на волков. Хищники, не устояв перед дерзкой наглостью человека, стали тихо удаляться в сторону от угрозы.

«Вот так-то!.. “Молодец против овец, а против молодца и сам овца” – это как раз про этот случай. Вместо того чтобы напасть на беззащитных лошадей,

пасущихся без всякой охраны, вы решили подстеречь одинокого всадника!.. Что за дурость!» – усмехнулся человек и продолжил движение. И вдруг он всполошился, обнаружив нелогичность собственных мыслей и почуяв некую каверзу в происходящем. И в самом деле, почему эти хищники не пошли на стреноженных лошадей, беспечно и беззащитно пасущихся в голой степи, а переключили внимание на него?! Как бы тут не обнаружился подвох. Или кто-то есть рядом с вольно пасущимися животными?.. Неужели этот чертов всадник вернулся и откуда-то следит за ним? Надо быть осторожным, тут недалеко и до беды. И пастухи наверняка будут нынче начеку, боясь повторения недавнего ночного переполоха. Как бы не пришлось нам устроить сдуру перестрелку между собой – а вдруг кто-то из нас пострадает всерьез или – не приведи Аллах – погибнет от пули?.. Не беда, если сам погибну, – быть молодцу не укор, – но прославиться вором в народе, пойти под суд, нет, такого позора мне не надо!..

Чем ближе он подбирался к нужному месту, тем чаще билось его сердце, готовое вот-вот выскочить из груди. Неприятное чувство, щекотавшее нервы все эти дни, сегодня разыгралось вовсю и беспокоило всё сильнее. До сих пор никогда не было такого, чтобы он трусил или робел перед кем-то или от чего-то; что же сегодня ни с того ни с сего так смятенно у него на душе? Не к добру эта тревога, ох, не к добру. Чего он так раскис и захандрил в решающий момент? Может, из-за того, что не выспался, устал? Как было не устать, раз приходилось всё время таиться да хорониться, боясь попасться ненароком на чьи-нибудь глаза. Или, может... может, лучше не встречать ему в эту рискованную затею и тихо-мирно вернуться домой?.. Двоедушность к добру не приводит, в таком состоянии легко попасть в какую-нибудь историю, или, что скорее всего, – опозориться...

Неизвестный сегодня доволен тонким чутьем своего коня. Вот и сейчас иноходец навострил слух и запрядал ушами – значит, они уже близко к скоту, за которым едут. А вон те темнеющие силуэты и есть вчерашние лошадки! Кроме отары Ахмета в этом безлюдном месте нет ни людей, ни скота. Да и они – Ахмет и его помощники – лежат, наверное, усталые, без задних ног. Жалко бедолаг. Он наслышан о случившемся. Всё из-за старика Ахмета. Ему бы не выпендриваться, а сразу согласиться с Шаханом. Слышал, что старик затеял ссору с Шаханом, пытается вернуть Кертобеля. Несговорчивый оказался... жалко его, старика-то... А что его сын, Акимжан? На взгляд тихоня вроде, но, видать, недалеко ушел от своего строптивого отца. Тоже ведь заартачился, не пошел на уступки?!

Ночь сегодня необыкновенная: звёзды не рдеют стыдливо, как это бывает порою, и не мерцают в задорном перемигивании; утомленные от долгого пребывания в бездушной пропасти ночи, они глядят понуро, потускневшим взглядом. Можно бы было и по слабому их свету ориентироваться на местности и ни о чем не беспокоиться, однако сейчас всё вокруг покрыто непроглядной тьмой, ночным мраком, охватившим всё, что вблизи и что вдали, – невозможно ни разглядеть ничего, ни двигаться по наитию или по памяти. Трудно вообразить, в какой части бездонного пространства тьмы, всё удушливее нависающей над тобой, ты находишься, и, конечно же, немудрено, что за каждым шагом в ночной мгле всякий бы ожидал опасность.

Загадочный всадник бесстрашно двигался вперед, тучно раскачиваясь на рысаке, как вдруг услышал фырканье чужой лошади и резко потянул поводья. Он не сомневался, что это вчерашний бурый жеребец. Похоже было на то, что, узнав вчера, он уже не считал его за чужого и подзывал к себе. Но... О боже!

«Уа-уа!.. Уа-уа!..» Чей это ребенок, плачущий в кромешной тьме? Это манул или бродячий дикий кот? Но и тот и другой обычно пускаются в бега, едва

почуяв человека. Не слышал он никогда подзывающего плачем дикого кота в глухой степи, где нет ни души. И голоса манула не слышал. Но, кто знает, может, тут какое иное чудное явление?

Безымянный всадник вновь прислушался к загадочному плачу. Ребенок плакал безудержно, всё распаяясь от собственного голоса, но затем резко оборвал плач. Всадник наострил уши, несколько удивленный внезапной остановкой плача, и вдруг почувствовал себя так, будто его окатили ледяной водой. Тонкий и в то же время поразительно ровный и будто бы неживой детский плач вновь раздался словно из-под земли. Похоже на стон. Нет, не на стон. Кроткая жалоба или искусная насмешка? Загадочный всадник, чутко наострив уши, всё приближался к источнику странного плача, и жалобный звук слышался всё явственнее. Нет, никакой это не манул и не другой дикий кот. Скулеж ребенка, от которого дрожь по коже.

Что это за ребенок, оказавшийся в безлюдном пространстве, голой степи, да еще и в непроглядную ночь? До сих пор он не задумывался над тем, верить или не верить разного рода рассказам про бесов, чертей и другую нечисть. Тогда что это за жалобные причитания, если не этой самой нечисти? А ведь всадник на коне даже волки – прожорливые хищники пустынных просторов – пугливо обходят стороной. В этот час здесь никого не должно быть, кроме тех темнеющих вдаль трех пасущихся лошадей. Но вот этот долгий жалобный плач, внезапно прерванный и вновь разнесшийся по округе, – несомненно, детский. Но это был не истошный рев заходящегося в рыдании капризного ребенка, это больше похоже на мерный, заунывный плач утомившегося младенца, просящегося на руки матери. Однотонно ровный, словно дитя пытается проверить, сможет ли он разжалобить хоть кого-нибудь. Разумеется, у малого дитяти вряд ли может быть такое осознанное намерение. Однако Загадочному всаднику этот негаданный плач слышится явственно.

Вот, опять тот же плач. Непонятно почему, но на этот раз тонкий жалобный звук представился ему длинным, как корд, извивающийся прямо перед ним змеей, которая ползет на него, то возвышая чешуйчатое тело над землей, то вжимаясь в нее и глядя ворожащим неотрывным взглядом, отчего у Загадочного всадника зашевелились волосы на голове и пробежали колючие мурашки по спине. Но он тем не менее не придержал коня и, разозлясь, наперекор своему страху, продолжал двигаться вперед. Или какой-то злодей украл чужого ребенка и прячется где-то тут? Если так, то нужно воздать ему должное и наказать по заслугам. Но ради чего нормальный человек в здравом уме приволочет грудного младенца в эту безлюдную пустынную степь? Всадник взял ружье в руку и решился на риск.

Как назло, в это самое время бездонно-глубокая густая мгла, казалось, накрыла собой весь подлунный мир. Всё живое и неживое, оказавшись в душных, непроницаемых для глаз объятиях ночи, покорно замерло в ожидании рассветных лучей, но до них еще далеко. И что же теперь делать? Разобрать что-либо вокруг было невозможно, ничего не видать.

Ну вот, опять этот детский плач!.. Не захлебнется ли горемычный ребенок от долгого плача?.. Бедный малютка!

Звезды давно сникли, перестав перемигиваться. Словно притаились, с опаской ожидая неведомого и жуткого происшествия.

Всадник с невольной дрожью в теле подумал о том, что плач младенца в оцепенелой тишине безмолвного и безжалостного мрака способен утратить и самого рискованного смельчака. Может, какая-то сошедшая с ума женщина бросила своего грудного ребенка в безлюдной долине? Может, она, заблудившись,

бродит где-то рядом? Вдруг женщина вынырнет из темноты и бросится к нему со словами: «Ребенка мне не надо, пусть помирает, самой бы выжить. Умираю от жажды. Возьми меня с собой!» Такая женщина, чего доброго, может и скинуть его с седла.

О боже, что это за женщина, бродящая беспросветной ночью в нелюдимой степи? И почему не слышно ее самой? Может, свалилась без сознания или где-то прилегла, до смерти изнуренная, да там и прикрыла глаза навечно? Быть такого не может. Возможно, бедолага убежала из дому, не выдержав унижений? Что за беда с ней случилась? Скорее всего, это какая-нибудь обиженная кем-то, разочарованная жизнью горемычная женщина. Как бы эту несчастную не разорвали на куски голодные волки, когда она схватится с прожорливой сворой, пытаясь уберечь своего визжащего ребенка. Может, это те самые два волка, что встретились ему? Они могли съесть женщину, а ребенка оставили, испугавшись меня. Но и это маловероятно. Зачем волкам нападать на человека, когда рядом пасутся стреноженные кони?

Боже, снова раздался жалобный плач младенца. Проголодался, что ли, никак не успокоится. Правда, на этот раз голос раздался не от земли – такое впечатление, что плаксивый ребенок поднялся в воздух и колыхнется из стороны в сторону. Но что-то не приходилось слышать, чтобы ребенок мог носиться по воздуху.

С обостренным вниманием оглядываясь вокруг, всадник слегка попридержал коня и взвел курок двустволки. Если кто нападет внезапно, он не растеряется и не замедлит с ответом. Но как бы он ни вглядывался в темноту, сощурив заслезившиеся от напряжения глаза, кромешный мрак бездонной ночи не рассеивался и не таял, а всё так же упрямо и зловеще нависал над ним колыхающимися над головой густыми черными волнами. Младенец, плачущий в невидимом закутке бесконечной тьмы, представляется то заблудившимся ребенком, то игриво носится где-то, легко перемещаясь из стороны в сторону. Порою плач доносится заунывно-размеренным нитьем, будто в насмешку над одиноко бредущим по неведомой дороге всадником, потом неожиданно сходит на надрывное, отрывистое рыдание и в конце превращается в утомленное, глухое всхлипывание обиженного ребенка. Неизвестный всадник чувствует, как холодеет тело и растет тревога в душе, но отступать от задуманного не намерен и упрямо движется вперед, всё сильнее сжимая в руке холодное, как камень, ружье.

«Вот, теперь я уже могу отличать очертания лошадей от тех мелькавших, словно привидения, едва различимых темных теней. Сейчас узнаю, что это за таинство. Смотри-ка, и детский плач вдруг прекратился!.. Неужели учуял, что я подъезжаю? И поджидает меня?..» Ему хотелось скрыть от себя свое волнение, но всё же не мог не признать, что некая постыдная опаска навеяла на него чувство страха и неуверенности. Кто знает, может быть, некие злоумышленники, выкрав лишенного родителей младенца – круглую сироту, запеленали его в тряпье да погрузили на коня, а сами, прикрывшись конской попоной, поджидают меня с ружьем в руках, зная, что я непременно приду на помощь плачущему дитяте? Ой, какими бы мерзкими типами ни были, вряд ли у них хватит духу оторвать ребенка от материнской груди да положить его в богом забытой степи в качестве наживки и выжидать, упиваясь собственной дерзостью. Так что же это за загадочное явление?

Вдруг вновь раздалось: «Уа-уа!» Голос доносился не от земли, а дрожал в воздухе на высоте человеческого роста. Не успел он подумать, что это за ребенок, способный витать в воздухе, как увидел на некотором от себя расстоянии едва различимые очертания некоего существа, похожего на лошадь, которое

обернулось на него огромной розоватой головой – или всей шеей – всадник этого не успел различить. Он вскинул ружье, но палить сходу не стал.

В глубине ночи он различил расположенную на холке лошади и чернеющую в высоте чью-то непомерно большую голову. Вся она, обрамленная круглой черной, похожей на волосяной аркан, каймой, была багрово-красного цвета, морда измазана густо-бордовой кровавой краской, два глаза размером с кулак горели красным огнем.

Самое подозрительное, самое устрашающее – из самой середины лошадиных глаз торчали два тонких дротика с согнутыми дугой концами, размером примерно в одну или полторы пяди, напоминающие собой пару изогнутых черных рогов, вонзенных острым концом в самый центр коричневых зрачков. Загадочный всадник с содроганием сердца и не без боязни взглянул на бурю, залитую кровью голову лошади и успел разглядеть, что голова покоится на спине жеребца-двухлетки, что челюсти и шея ее полностью обросли то ли козлиной бородкой, то ли сплошной кучной шерстью, а сама лошадь недвижно застыла и неотрывно следит за ним, – пока вновь не раздался плачущий голос ребенка. Бог свидетель, вновь и вновь раздающийся голос никакой не детский плач, а злонамеренное подражание плачу ребенка самого дьявола, взобравшегося на холку лошади. И как теперь ему верить, что ни чертей, ни дьяволов не существует?

Пусть даже это никакой не чёрт и не другая нечисть, но вполне возможно, что это загадочное «уа-уа» – заранее подготовленная диковинная ловушка тех же самых чабанов или какого-нибудь таинственного всадника, сочувствующего им.

Теперь ему не остается ничего другого, как ретироваться подобру-поздорову – зачем напрашиваться на вражью пулю!.. И пока не раскрылись все другие его тайны, надо смотать удочки да дать драпака. Они, верно, почуяли мой приход, но вряд ли погонятся за мной, – понимают, что устраивать со мной перестрелку на конях чересчур опасно для них, так что пусть так и лежат там, где облюбовали себе укрытие. Прокрутив в мгновение ока все эти соображения в голове, Неизвестный не стал больше раздумывать, а, подняв дуло ружья вверх, нажал на курок...

*Перевод Каната БОТАША,
редакция Георгия ПРЯХИНА*

Продолжение в № 4, 2026.

